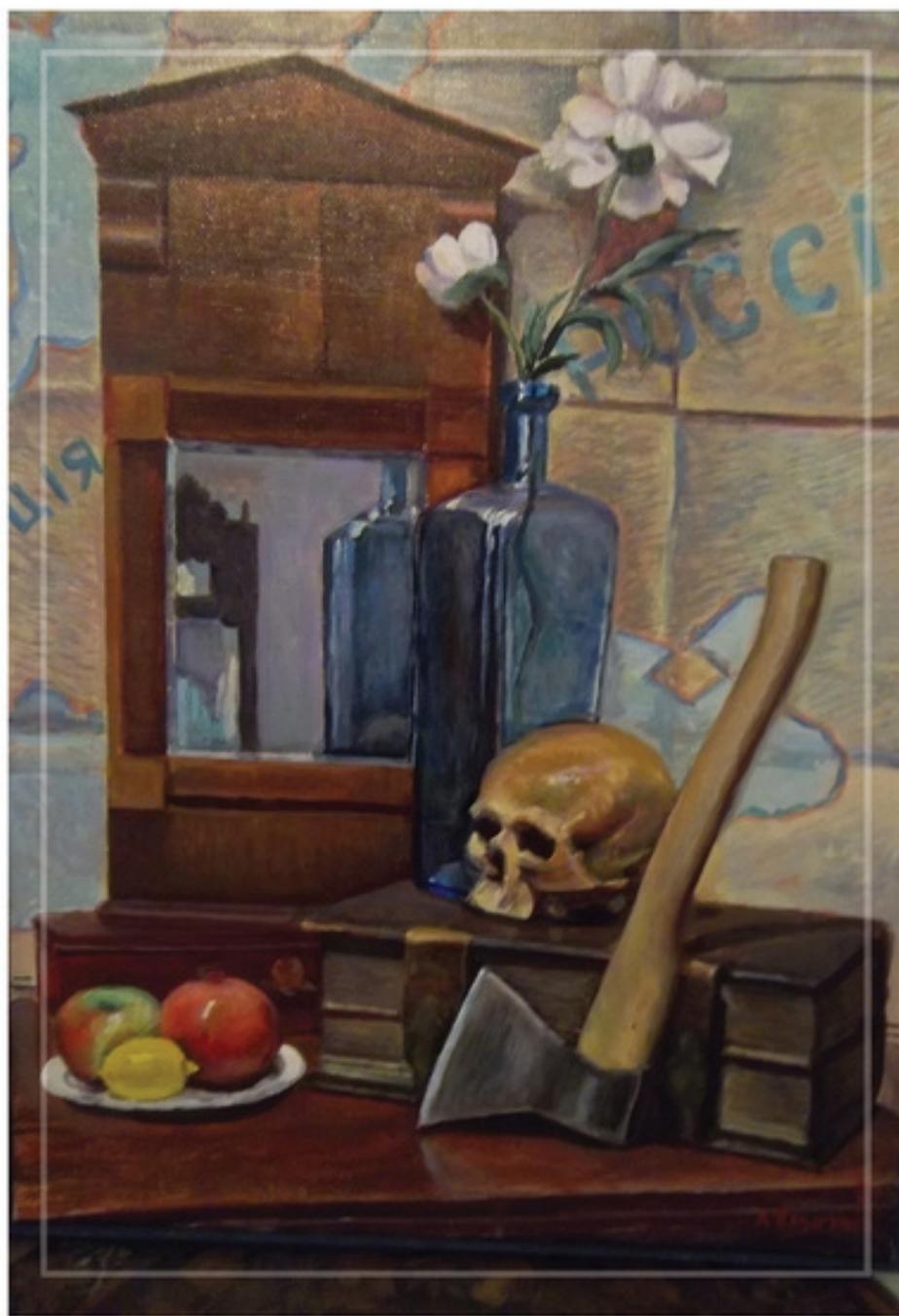

ЛЕВ ПРЫГУНОВ

Сто стихов
о неизбежном

Лев Прыгунов

Сто стихов о неизбежном

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-1 Прыгунов
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Прыгунов Л. Г.

Сто стихов о неизбежном / Л. Г. Прыгунов — «Пробел-2000»,
2014

ISBN 978-5-98604-434-7

Авторский сборник стихотворений Льва Георгиевича Прыгунова.

УДК 821.161.1-1 Прыгунов
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-434-7

© Прыгунов Л. Г., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

Встреча	11
Песочные часы	12
В. Б	13
Молодая луна	14
Из детства не вырвешься...	15
Ловля бабочек	17
An Omnibus Across The Bridge	18
Too Soon	19
Домино	20
Нищета войны	21
Подарки	22
Во славу грузинского вина 1969 года	23
Лень творца	24
Дождь	26
«Я тебе подарю тёмно-синее платье...»	27
Ольге	29
«Ранним утром прозрачная лёгкость...»	30
«Когда конь Гектора сразит мои суставы...»	31
«Страсти мои! Тлеющие костры...»	32
Империя Шудр	33
«Как вертикальны эти власти...»	37
На рождества двухтысячных	38
«Скоро, скоро ночи...»	39
«Ностальгия по пыткам...»	40
Театр	41
А есть ли шанс	42
«Прекрасны в лоб влюблённый молоток...»	43
«Стоит безрукий пионер...»	44
«Как быстро тело...»	45
Ловозеро 1959	47
«Ни сапфира, ни кристалла...»	48
Ленинградский полумрак	50
«Ночами кто-то мною дышит...»	51
«Ночь. Полная луна. Бессонница. Увы...»	52
«Домик спит над речкой Волгой...»	53
«Как долго стихает уличный гам!...»	54
Лица	55
«Мы все с пелёнок возвращаем смерть...»	56
Пётр	57
Алапаевск	60
Апреля дребедень	61
Полёт в Калязин	64
Воспоминания	66
Вспоминаю подвал на Фурманном	67
Одноклассники	68
«Мой дружок, подмастерье, талант, ученик...»	72

Еретическое	73
«Всю ночь я пил, рыдая...»	75
Метаморфозы	76
Палитра осени	79
«Путь жертвы трогателен, нежен...»	80
«Страшная штука жизнь...»	82
Стрепет и даже дрофа	83
Возвращение с охоты	85
Душа моя	86
Поезд жизни	87
«Палачи устают и стареют...»	89
«Я искал для бессонницы имя...»	91
«Там наверху, а может быть внизу...»	92
Последний монолог Треплева	94
Старенькая муза	95
Художник – садовод	96
Поводырь	98
Райский сад	100
«Молодость! Страсти! Неужто всё это...»	101
«Жизнь прекрасна, пока ты совсем не спятил...»	102
«В России надо долго жить...»	103
Старая карта	104
Последние дни весны	106
Три слова	107
Документальное кино	108
Антиквары	109
«Я живу в своей шкатулке...»	111
Деревня	112
«Свет сияет в тиши кромешной...»	113
«Закатывает смерть...»	114
Шторм	115
Мечты	116
Дорожные знаки	118
«Из до-библейских древних лет...»	119
«А был ли мальчик? Где скула Адама...»	120
Философический сонет	121
Философический сонет – II	122
Философический сонет – III	123
«Бумага, темпера, перо...»	124
Город, деревья...	126
Стихи	127
«Когда-то под Москвой на даче...»	129
«В каждой ночи моей по десятку ночей...»	130
Отгромычал...	131
«Роскошной осени безумное Барокко...»	132
«Караван моей жизни плетётся со скоростью...»	133
Ночи	134
«Я не поэт и не художник...»	136
«Когда тебе семьдесят пять, и ты становишься ветхим...»	138

«Прощай, мой друг! Теперь уже прощай...»	139
«Мне снится жизнь восьмой десяток лет...»	140
«А мне и до сих пор порою снится...»	142
Сторож	143
«Живёт во мне Живое...»	144

Лев Прыгунов

Сто стихов о неизбежном

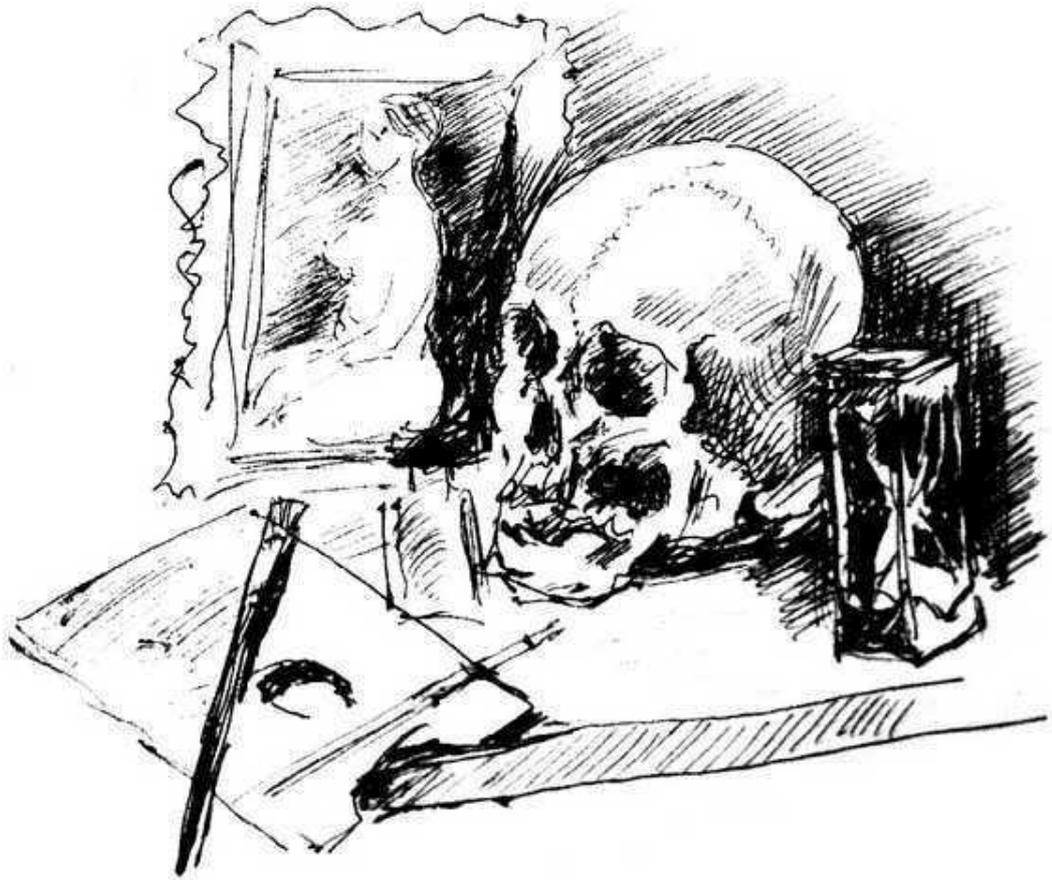
Рисунки и картины автора

© Прыгунов Л. Г, 2014 г.

© ПРОБЕЛ–2000, 2014 г.

* * *

Посвящается всем

*Ура! Вот и кома!
Наконец-то я дома!*

Встреча

Гуляя по полю и лесу,
посвистывая негромко,
я жду Вас всегда с интересом,
загадочная Незнакомка!

Давно уж идём мы друг к другу
сквозь клубы тумана и дыма, —
как часто с улыбкой, подруга,
проскальзывала ты мимо!

Ты точно шептала: Успеем
ещё мы соединиться...
Я спорить с Вами не смею —
я жду Вас всегда с любопытством!

Но где будет встреча? В полёте?
Во сне? В инвалидной коляске?
Я знаю, ты скажешь: Пойдёмте,
я возвращаю вам сказку!

И будет мне сладкой росой
налитый по самую кромку
напиток, что даст мне с косою
расщедрившаяся Незнакомка!

2007

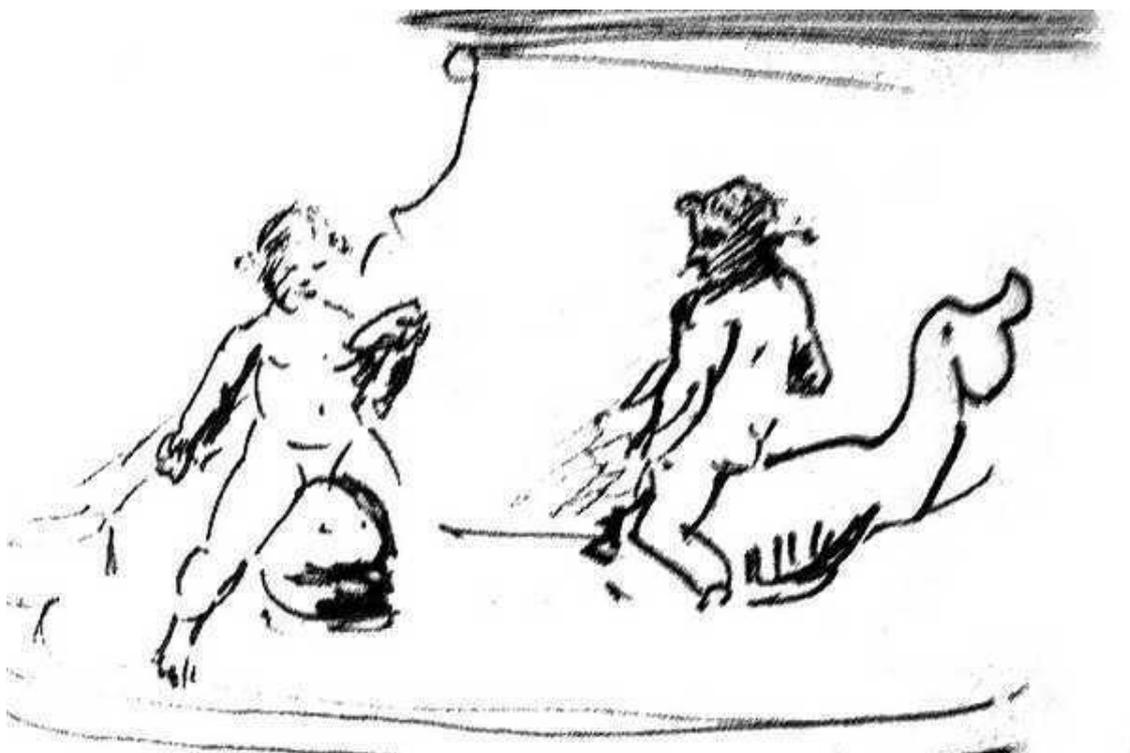
Песочные часы

Песочные часы – стеклянная оса.
И ос, и ангелов рои как дым повисли:
осиное гнездо разворошил я сам —
всё прошлое моё, упрятанное в письма:

Ласкает, жалит, колетса, болит...
Отчаянье любви, уныние, осколки
корявых слов и жгучей плетью стыд
за трусость жалкую, за глупые восторги.

В который раз переверни часы!
Верни в комод бумажный жизни ворох!
Струись, песочек, по стеклу осы,
пока не перейдёшь в могильный шорох.

2009

В. Б

Мой нежный друг, ты умер... Погоди...
Немногих я любил, но ты один
из самых близких мне по крови – брат, приятель,
художник, фокусник, богоискатель!

Зачем же так? Уж скоро тридцать лет
ты всё живёшь во мне!
Тебя же рядом нет.

И если уходящие тоскуют
по остающимся, – кого они рисуют?
Показывают фокусы кому?
И как они ТАМ молятся ЕМУ?

2008

Молодая луна

Молодая луна. Новолуние.
Можешь ей не показывать грошика.
Поздно, рано ли станешь мумией,
и душа отлетит воробышком.

Как боялся я этого времени!
А теперь не страшусь и тризны.
Жизнь становится скучным бременем,
а цветные сны – слаще жизни.

Двадцать лет назад – будто позавчера.
Двадцать лет вперёд – уже вечность.
И мои подлунные вечера
удаляются в бесконечность.

2009

Из детства не вырвешься...

Из детства не вырвешься. Детство,
точно пикирующий бомбардировщик —
налетает, бомбит – и мозговое тесто
стекает в кастрюлю памяти
как кур в ошип.

И соколом-пустельгой я улетаю в степи,
где обитают образцы фауны и флоры,
а потом, от усталости спотыкаясь о стебли,
возвращаюсь в город,

чтобы завтра же лететь в горы.

Раз пятнадцать смотрел я «Бродягу» или «Тарзана»,
знал наизусть «Судьбу солдата в Америке»,
влюблялся в каждую красотку экрана
и слушал джаз на «рёбрах» и «черепе».

По трое суток выстаивал в очереди за кулём
муки, или парой буханок хлеба с гарью.

По ночам – «переключки». Чернильным карандашом
на ладони выжигали номер,

как в немецком концлагере.

На бешеной скорости прыгивал – С— и запрыгивал – НА—
подножку трамвая. Пару раз едва не сорвался.

В пятидесятые это был самый захватывающий наш
экстремальный спорт. Кроме тех, естественно,

кто без ног оставался.

А в школе в пятьдесят первом, а может в пятидесятом
стали пропадать учителя дореволюционной породы.

Сосед по парте – в классе четвёртом или пятом
оказался сыном врагов народа!

И на тебя, как на соседа, падает тень
шпиона, а то и организатора покушения на Сталина,
хотя от китайской границы до подмосковных деревень
около пяти тысяч вёрст. А самолётом едва ли не
трое суток. Но тень висела, как гильотина,
ещё над тобой лет двадцать, не менее...

Вот такая весёленькая картина
счастливого детства!

Противоположные мнения
услышишь только от Палача и его Жертвы.

Каждый старик хрипит, умирая: Мама...

Детство и вправду нацеливает на тебя жерло
гаубицы. И снаряд свистит по-китайски:

такова твоя Карма!

2008

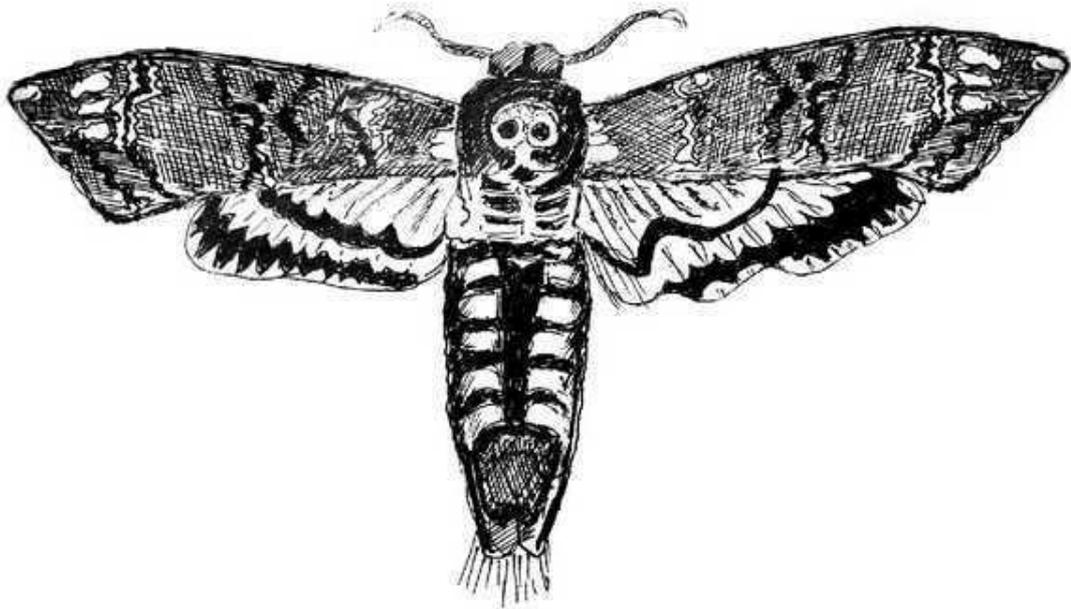
Ловля бабочек

Мои нервы натянуты, как последняя струна Паганини.
Голова увязла в какой-то из красок и слов мешанине.
В сердце порхает *Acherontia Atropos*¹ (по-нашему – аритмия),
глаза потускнели, а веки набухли, как у гоголевского Вия.

Зато я вижу то, чего не замечают другие,
а в душе поют скрипки и виолончели.
Из корявых слов складываются вирши странной драматургии,
а сердце летает то вверх, то вниз, как на качелях.

Но главное – я закончил картину, о которой мечтал все годы —
как я в детстве ловил бабочек в рукотворном храме природы:
Ботанический сад, рядом горы, как вывернутая пропасть.
*Machaon, Apollo, Vanessa Io, Acherontia Atropos...*²

2008

---

¹ *Acherontia Atropos* – бражник «мёртвая голова»

² Бабочки – махаон, аполлон, дневной павлиний глаз

An Omnibus Across The Bridge

Роману Каплану

An omnibus across the bridge³
ползёт как гусеница прочь
от хищника, который дичь
учуял, несмотря на ночь.
And hopelessly poor wretch
счастливый обладатель пейс
готов, обнявшись с тенью, лечь
на мёрзлый проржавевший рельс.
And lovers under leafless tree
целуются всю ночь врасос,
едва удерживая крик
к Всевышнему и прочим: SOS!
But mystic omnibus on bridge
со всеми пленниками в нём
вот-вот сорвётся в грязный ditch —
в бездонный чёрный водоём.
And many souls overstressed
в отчаянии и суете
меняют массу стран и мест, —
и всё не те! И всё не те!
Officials and movie-stars,
студенты и профессора
в мечтах готовы аж на Марс
запрыгнуть с криками ура!
But passengers of Train named EARTH
уже не спрыгнут никуда.
И тайн их траекторий всех
не разгадать им никогда.

2008

---

³ An omnibus across the bridge... Oscar Wilde, – первая строчка стихотворения «The harmony in yellow»

Too Soon

Конструкторы моих костей,
оракулы глухой судьбы!
Писатели слепых страстей,
свидетели пустой борьбы!

Как вы придумали меня,
какой изобрели каркас,
как жаль, что оказался я
созданием, недостойным вас!

Все ваши хлопоты, увы,
как псу под хвост, как в никуда, —
Natura и Fortuna, вы
ведь знали, что я был всегда

ленив, невежда, психопат.
Я проиграл финальный матч:
я сам себе поставил мат,
и это для меня too much!

Начать бы всё со снежных гор,
где воздух остр, и нежен холод,
и где пылающий костёр
не дразнит искрами – too old!

Но поздно – многие вокруг
уже не видят солнц и лун...
И ярко слепит **Чёрный Круг**
и шепчет ласково: too soon!

2008

Домино

Деревья голы и горбаты.
тоска, упавшая на дно.
Мы были будущим когда-то,
но стали прошлыми давно.

И годы, голые, как факты,
стоят перед глазами. Но
они похожи чем-то, как-то
на ленту пёстрых домино.

И «пусто-пусто» точно глыба
из пенопласта, как в кино...
Но кто-то хлопнет костью: «Рыба»!
И рыбкой ты пойдёшь на дно.

2008

Нищета войны

Я детство прожил в нищете войны,
хотя наш город и не знал бомбёжки.
Все зимы – с осени и до весны —
давились мы гнилой картошкой.

Зато весной – какая благодать!
Крапива, лебеда, лучок-голубчик...
Колдует ночью у костра с кастрюлькой мать,
слезами заправляя жидкий супчик.

А голод борется во мне с голодным сном.
Сон победил. Закапал летний дождик.
Вдали осёл перекликается с ослом,
Сестра толкает в бок: не спи, художник!

Художнику три года. На ногах
в кровавых кракелюрах ципки-клинопись —⁴
«Испанский башмачок» – замечу на полях:
так началась любовь к испанской живописи.

Нас будят предрассветные гудки —
хрипят, свистят, гудят, трубят, меняются...
И жизнь у матери на страшном полпути,
а у меня лишь только начинается.

2007

---

⁴ Ципки – болезнь более детская, когда от грязи, воды, жара, мороза и пр. трескается кожа на ногах и руках (Толковый словарь В. Даля).

Подарки

В какой-то вчерашней, позавчерашней,
советской, греческой, македонской,
в какой-то далёкой, нелепой и страшной
жизни – египетской, вавилонской

меня убивали и в лоб, и с флангов —
мечами, дротиками, стрелами, пикой...
Но и я убивал! В смертоносных фалангах
я был впереди. И Александр Великий —

мой БОГ, мой Вождь, потомок Геракла —
дарил мне золото и диаманты!
А я боялся лишь яда или теракта,
особенно в Индии и в Самарканде.

Или вот: я – верховный жрец в древнем Египте.
Умирая, Фараон – «Владыка Вселенной» —
дарит мне место в своей пирамиде:
пришлось в сорок лет вскрывать себе вены.

И будто вчера я таскал пулемёт в Испании,
а потом в Кзыл-Орде – тачки с рудой в знойном июле.
Умирал равнодушно, без страха, без паники,
получив от чекистов в подарок две пули.

2008

Во славу грузинского вина 1969 года

Нефертити, Хаммурапи,
печенег, Бонапарте...
Я пол жизни жил во мраке,
хоть сидел на первой парте.

Берия, Ежов, Ягода,
Ленин, Троцкий, Сталин, Киров;
горы трупов, яды – годы...
Палачей, убийц, вампиров —

сколько их ещё в запасе?
Легионы, роты, рати?
Я плевать хотел на власти
печенегов, Хаммурапи!

Но Твиши и Цинандали,
Чача и Кинзмараули —
сколько радости мне дали,
как всю жизнь перевернули!

И плевать на Бонапарте
я не стану, не просите —
я опять на первой парте
обнимаю Нефертити!

2007

Лень творца

Благословенна лень творца!
Когда потворствует он лени,
то, словно пленник из дворца,
на волю вылетает Гений.

А у художника в уме
ещё расслабленном и сонном
в полупрозрачной полутьме
неясных лиц и слов колонны

теснятся важно в ряд один,
и он с восторгом вырывает
из этих призрачных картин
всё то, что после вырастает

в «Онегина», Давида, в шпиль
Адмиралтейства, Мону Лизу...
Ну, вот и всё. И снова штиль.
И снова сон, тоска, капризы...

И Гений улетает прочь...
Дворца приспущенные флаги...
Так дремлет мраморная Ночь
на флорентийском саркофаге.

2007

Дождь

Ольге

Дождь лил всю ночь. А я тебя люблю.
Как чудно быть в такую ночь на даче!
И в этом скорбном, монотонном плаче
я тихий смех твой памятью ловлю.

Когда-нибудь я денег накоплю
и бриллиантов накуплю тебе штук восемь!
Но что-то зябко... Видно, скоро осень...
Дождь льёт весь день. А я тебя люблю.

Я, впрочем, не подобен королю.
Насчёт восьми... Навряд ли выйдет разом.
Купить хотя б один! И тут – алмазом
вдруг солнце брызнуло!
А я тебя люблю.

2008

«Я тебе подарю тёмно-синее платье...»

Ольге

Я тебе подарю тёмно-синее платье
и белую шаль из тонких кружев.
А ещё – золотой браслет на запястье
и шубку от зимней стужи.

А мне никаких подарков не надо.
Ты – спасенье моё, говорю без лести.
И была бы одна от Судьбы награда:
до последнего вздоха с тобой быть вместе...

2014

Ольге

Уметь сливаться с Пустотой
и мыслью проникать
в алмаз, как будто он пустой,
а также всё раззять,

как скальпелем, своим умом
и тут же всё сомкнуть...
Так в космосе совсем пустом
мерцает Млечный Путь.

Тогда Галактика моя
всей Пустотой своей
соединится с Пустотой
Галактики твоей.

И понесёмся мы с тобой
в объятьях Пустоты,
и тотчас стану я тобой,
и мною станешь ты.

2008

«Ранним утром прозрачная лёгкость...»

Ольге

Ранним утром прозрачная лёгкость,
запах яблок, вкус чистоты.
А к полудню – тяжесть, неловкость,
страхи, страсти, сомненья, мечты...

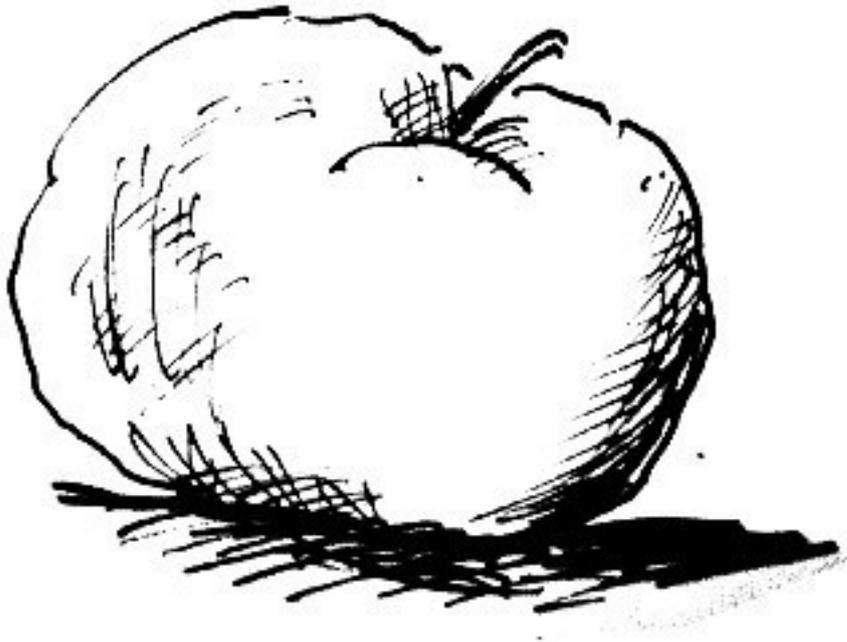
Серебристые путы-нити
паутин ослепляют глаза,
только душевное солнце в зените
давит душу: будет гроза.

Гром и молнии, град и ливень,
злой ветер, грязь, тишина...
А сквозь свет фиолетово-синий —
то ли девочка, то ли жена.

Я свои азиатские песни
уж давно тебе все пропел!
Если б были с утра мы вместе —
о, как много бы я успел!

Удивлять тебя больше нечем,
и себе уж ничем не помочь.
Буйный день и счастливый вечер
переходят в глухую ночь.

2010

«Когда конь Гектора сразит мои суставы...»

Ольге

Когда конь Гектора сразит мои суставы,⁵
а по хребту прокатятся составы
с гашёной известью и серной кислотой,
и буду я раздавлен на матрасе
за все мои грехи, грешки и страсти, —
в слезах я стану думать лишь о той,
чьё лоно вывело меня из тайной бездны
в наш дивный мир: жестокий, бесполезный,
случайный, глупый, грешный и святой...

Тогда мой дряхлый и больной рассудок,
смешавший годы, дни и время суток,
вдруг прояснится, чтобы дать понять,
что ты, любимая, прожив со мной пол века,
став для меня, как для араба – Мекка,
меня впитала в лоно, как впитать
я смог тебя в мозги, печёнку, чресла,
чтобы опять с тобою мы воскресли...
Мы – друг для друга – и отец и мать!

2012

---

⁵ Конь Гектора – «Подагр» – «Быстроногий» (др. греч.) Гомер, «Илиада»

«Страсти мои! Тлеющие костры...»

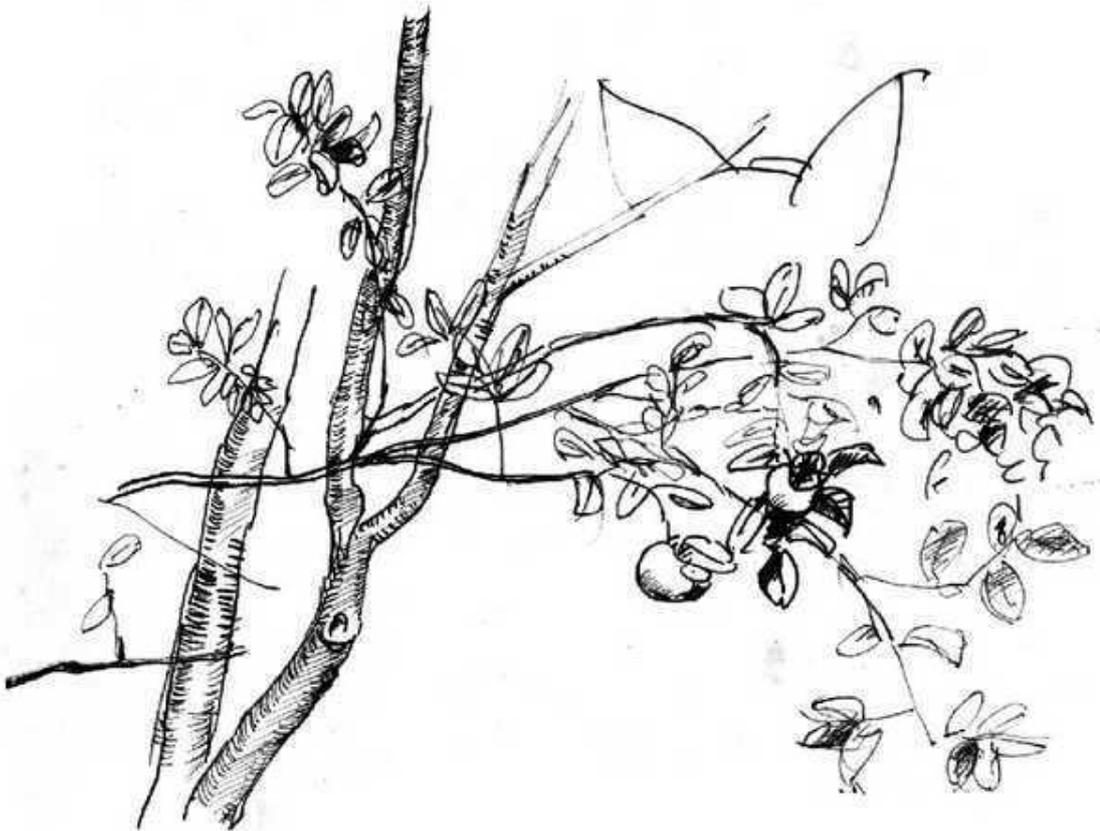
Ольге

Страсти мои! Тлеющие костры
ярости непогашенной.
Беды мои – мои кресты,
мрачным смиреньем окрашенные.

Глупость моя! Ослов твоих
стадо неисчислимое.
Муза! Волшебных слов твоих
горсточка соловьиная...

Радость моя! Твоей красы
свежесть неувядаемая.
Сердце моё... Твои часы —
тайна непознаваемая.

2012

Империя Шудр

«Когда произошло разделение каст, Брахманы⁶ остались на востоке, Кшатрии⁷ поднялись в горы, Вайшьи⁸, ушли на запад, а Шудры⁹ пошли на север...»

Веды

*«Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы,
Гнездятся клубом в нас пороки...»*

А. С. Пушкин «Поэт и толпа»

«Не татары выучили наших предков стеснять свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать взятки в судах, (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы всё это видели у славян и россиян гораздо прежде».

Н. М. Карамзин

Тундра, тайга, болота, овраг...
Сирень не рис. Карма мрак.

Тайга на окраине, хаос в столице,
тайга как в зеркале – в сорной траве.
Льды и пустыни по всей границе.
Хаос в душе, тайга в голове.

Наше сознание смеётся над нами:
раб – господин над своими рабами.
Что ни случись, всегда-то мы правы —
таковы счастливые рабские нравы.

Брахманы осели там, на востоке,
кшатрии полезли на Джомолунгмы,
вайшьи от Европы в полном восторге —
заняли лучшие ниши и лунки.

Ну, а шудры? – Шудры рванули на север,
где мошка, медведи, выдры и тундры,
ели рыбу, грибы, били всякого зверя,
и мечтали забыть, что они – шудры.

История, как у всех – хищная, бурная:

---

⁶ каста жрецов

⁷ каста воинов

⁸ каста купцов и ремесленников

⁹ каста рабов, слуг, подневольных крестьян

оттяпали часть необитаемой суши.
Предел оскорбления: «Ты – некультурный!»,
хотя от мата родимого вянут уши.

Воевать не умели – только сзади, да скопом.
«Басурман» презирали, снося унижения.
Голод, морозы, пожары, болота —
их оружие массового уничтожения.

Зато умирать готовили с детства:
телами затыкали прорехи и дыры.
Так с себя снимали ответственность
шудры – Маршалы и командиры.

А со временем стали обычной ЧЕРНЬЮ, —
выбивались в вельможи благородных пород.
«В них пороки гнездятся клубом», как черви¹⁰,
а они присвоили имя – Народ!

Захватили власть, придумали лозунги,
а тех, «кто выдавливал из себя раба»,
секли «статьями», шомполами и розгами,
объявляли безумцами или поборниками врага.

И тут хоть молись, рыдай и кричи —
Шудры – врождённые палачи!

Правды не любят. За правду судят.
Ноздри рвут и карёжат жизни.
Лгут, лжесвидетельствуют – их не убудет!
И воруют всё, что внутри и извне.

Вместо искусства у них «эстрада»:
воробьи поют, соловьи кричат.
Селекционеры вывели миллионное стадо
Самых неподкупных в мире девчат.

А сколько своих же – за гением гения —
губили из поколения в поколение,
чтоб после их смерти, впадая в раж,
бить себя в грудь: «Этот Гений – наш!»

В каждом селе у них истуканы
стоят напротив церквей. Стаканы
пользуются всё бóльшим спросом.
И каждый второй задаётся вопросом:

---

¹⁰ А. С. Пушкин (вольная цитата)

когда ж, наконец, произойдёт слияние
коммунизма с капитализмом? У них сияние
нимбов Великомучеников – рядом со смрадом
их же убийцы. И никаким парадом,

как тюлевой занавеской, не скрыть могильник
вождей-душегубов. Массовик – насильник,
кавказский затейник – стрелок в тире —
самая кровавая шудра в мире!

Отсюда – триумф гробовой эстетики:
«Рабы – не мы! Мы – не рабы!»
Дворцы, машины, «тычинки и пестики —
у них всё – гробища, гробики и гробы!»

«Империя Зла» – какая насмешка!
В Империях и зло должно быть имперским!
А у них вся злоба – лишь зависть решки
к любому орлу. И каждый дерзкий

Мечтатель у них – враг и соперник,
будь он «сто пядей», талантлив и мудр, —
он как бельмо на глазу у черни —
«хамова племени»¹¹ Империи шудр.

«Переродиться шудре в другую касту,
(как говорится в древнейших сказках),
возможно, только поняв, что он – раб».¹²
Но бьётся он насмерть за «светлое рабство»,
защищая его от Свобод и Прав.

Ненавидят и любят исступлённо, неистово.
В спорах доходят до топоров и ножей.
Обожают кино – измываясь над близкими,
рыдают над горем Махараджей и Королей!

Жадные, лихие, вероломные ДЕТИ!
Удивительно, как терпелив САВАОФ!
Он точно ждёт: «Когда же вы повзрослеете?
Когда избавитесь от рабских оков?»

Но – слава Богу! В конце тоннеля
сияет ясный, нарастающий свет:
нынче ЛЮДЕЙ родится не менее,
чем шудр, «в горшке варящих обед»!¹³

---

¹¹ выражение А. С. Пушкина

¹² цитата из Вед

¹³ А. С. Пушкин (вольная цитата)

Я тоже всю жизнь, как А. П. Чехов,
по капле выдавливаю из себя раба, —
а вдруг посмертно добьюсь успехов
и воплощусь в Тибетского ламу-попа?

Ну, а что дальше? И есть ли выход?
Пить? В монастырь – усмирять плоть?
После долгого вдоха короткий выдох:
«Спаси нас, Господи! Жив Господь!»

«Как вертикальны эти власти...»

Как вертикальны эти власти,
и как умножились все вещи!
Как мягко стелет алчной страстью
цинизм – улыбчивый, зловещий.

Как снова выползают гады
из нор, смолою не залитых.
И как они все будут рады
расстреливать давно убитых!

2009

На рождества двухтысячных

Иродово коварство и детоубиение.
Скорбь и терпение до конца.
Отрясение праха, убегание и гонение.
Звезда, обретающая форму венца.

Древо доброе и древо гнилое.
Труп смердящий и Божий виноград.
Одесную – благословение изгоя,
ошую – искореняемый сад.

Катов и татей душа пустая.
Око лукаво – на Дух хула.
Смоковница – бесплодная и сухая.
Один Бог благ. Ему хвала.

2011

«Скоро, скоро ночи...»

Скоро, скоро ночи
снова станут короче!
А дни начнут прибавляться
чуть не на мили.
И всё это будет сразу
после дня рождения Джугашвили!

Ну, а к пятому марта —
ко дню инсульта его, иль инфаркта —
даже на севере снег уже тает,
а страна вся сияет и расцветает!

Слава тебе, Сосо Джугашвили!
Будем вечно верны мы твоей могиле.
Пока совсем стариками не стали...

Пока не прикончит нас новый Сталин.

21.12.09

«Ностальгия по пыткам...»

Ностальгия по пыткам,
оголтелому пьянству,
по безумным попыткам
расширенья пространства.
По холопству и хамству.

Боже, как все мы вдали!
Как пытались согреться!
Как всех нас обобрали —
было некуда деться
из «счастливого детства».

Что-то стало как прежде.
Только молодость где-то
в *second-hand*ной одежде
щеголяет по свету,
курит *TU* сигарету.

А «шузы» с «разговором»,
«штатский» беленький плащик
для студента и вора
высочайшее счастье —
наивысший образчик!

То-то праздник на зоне
полученье посылки!
Для солдата в погоне
и для вора в законе...
Даже для лесопилки.

2010

Театр

Меня на свете нет. Я, извините, пуст.
Я прохожу сквозь кресла, стены, лампу.
На склоне лет не дерево, а куст,
торчащий из кулис, и слышен хруст
моих ветвей, что тянутся за рампу.

Театр переполнен. В ложах тьма
слепых поводырей. А осветитель,
чтобы от страха не сойти с ума
свет направляет на портрет Сома,
одетого в зелёный старый китель.

На сцене ссора, споры... Голосят
и суетятся жалкие актёры.
И все похожи на слепых котят,
которые прозреть хотят,
но только щурятся и поправляют шоры.

2009

А есть ли шанс

«Каждая кухарка...»

В. Ленин

Господь спасал Россию от врага,
но не спасёт от депутата-вора,
как не спасает от продажного врача,
министра, адвоката, прокурора.

Российский Вор! Ты встроился во власть
колонной пятой на ворованные деньги.
Такая глыба может и упасть —
и что останется? Заборы да ступеньки.

Ну, а Господь? – Он по привычке ждёт,
пока друг друга вы не обберёте.
Россию снова он перевернёт
и жирный крест тиснёт на обороте.

А есть ли шанс? – Кухаркиных детей
сменить не так-то просто, уж поверьте:
холопы все воруют без затей —
давай им только пухлые конверты.

Держись, Россия! Ты сама себя
взнесла на пик, на воровскую гору.
Зураб Вучетич, Родину любя,
гигантский монумент сваяет Вору.

Россию разорвут на сто кусков,
но будут вечно труп да изваянье —
два идола. И площадь для венков
и глупости. Но не для покаянья.

2009

«Прекрасны в лоб влюблённый молоток...»

«Прекрасно в нас влюблённое вино...»

Н. Гумилёв

Прекрасны в лоб влюблённый молоток
и пуля, что в стволе «ГТ» таится,
и прокурор, читающий листок,
чей смысл в страшном сне тебе приснится...

Но что нам делать с жалкою судьёй
и лжесвидетелями-подлецами?
С ментовской бандой и ещё с другой, —
лубянскими поющей голосами?!

Ни в лоб, ни в пах, ни в челюсть и ни в глаз...
Лишь ненависть кипит неудержимо.
И вновь ты понимаешь: в сотый раз
твои надежды пролетают мимо.

Как мальчик, игры позабыв, тянул
свой взрослый срок на Беломорканале,
и там его под комариный гул
в шинелях кровососы доканалы;

как некогда из Рюриков вампир,
разгорячив себя напитком пенным,
вскочив из-за стола, не прерывая пир,
своим кинжалом глотки резал пленным...

Так век от века – долго ли, Господь! —
Россию будут мордовать уроды?!
Ум, прояснись! Окрепни, Дух и плоть,
рождая чувство Царственной Свободы!

2013

«Стоит безрукий пионер...»

P.R.

Стоит безрукий пионер
напротив безголовой церкви,
как восхитительный пример
всей эпохальной переделки.

И ложь – слепой и жадный крот —
скрепляет как бетоном швы им...
Так идолам своим фальшивым
фальшивый молится народ.

А мы, оставлены Христом,
молим Его, чтоб, тьму развеяв,
ОН огненным своим хлыстом
изгнал из храмов фарисеев.

2013 г

«Как быстро тело...»

Как быстро тело
оцепенело!
С душком,
не разогнуть колени...
А ведь вчера ещё
ходило, пило, ело!
Висит, как висельник
Есенин...

А Ленин
нетленен!

2013

Последний день выставки

Ловозеро 1959

«Полдневный жар в долине Дагестана...»
М. Ю. Лермонтов

Полдневный мрак в долине лопарей.
Декабрь. Ловозеро¹⁴. И вместо фонарей
сверкает в небе буйное сиянье
и будит в каждом смутные желанья.
Сна нет ни у людей, ни у зверей,
и всякий рвётся из своих дверей.

Здесь сроки спорные: день за год, год за день.
От карликовой хвои летом тень
теряется в болотистых просторах,
а водка ценится, как соболь или порох.
И трудно предсказуема погода.
От преступлений здесь спасает лень.
Как и любовь, поскольку тьма – полгода.

Love-озеро! Пельмени и уха.
Любовь в санях... Олени и меха.
Любовь в снях на дьявольском морозе,
и споры пьяные о Лермонтовской прозе.
Ночную ночью непрерывно бденье:
в шуршащих сполохах тревожно пробужденье.

Love. Озеро. Мороз. Двойная мгла.
Смерть скалится из каждого угла.

2012

---

¹⁴ посёлок на берегу озера на Кольском полуострове, где живут лопари и саами.

«Ни сапфира, ни кристалла...»

Ни сапфира, ни кристалла,
ни наследства, ни престола...
Нам богатство не пристало,
нам чего-нибудь простого:

водки, пива, хлеба с маслом,
горстку риса, чашку чая,
разговоров без опаски,
путешествий без печали.

Жизнь прошла, а денег мало?
Обойдёмся хлебом с солью.
И с отвагой экстремала
встретим Старую с косою!

2008

Ленинградский полумрак

Ночь на севере длинна,
голодна и холодна.

В голове свистящий звон —
всё один и тот же сон:

саксаул, жара и пыль,
ветер, степь, песок, ковыль...

А проснёшься в темноте —
за окном метёт метель,

и сквозь щели из окна
завыванье сквозняка.

Ленинградский полумрак —
мой далёкий подлый враг.

Брезжит за окном заря,
на столе ни сухаря,

а в окне едва видны
потускневшие огни.

Заварю-ка кипяток,
закурю на посошок.

Беспощадно-серый день
накрывает словно тень.

Как забыть мне этих утр
полумёртвый перламутр?!

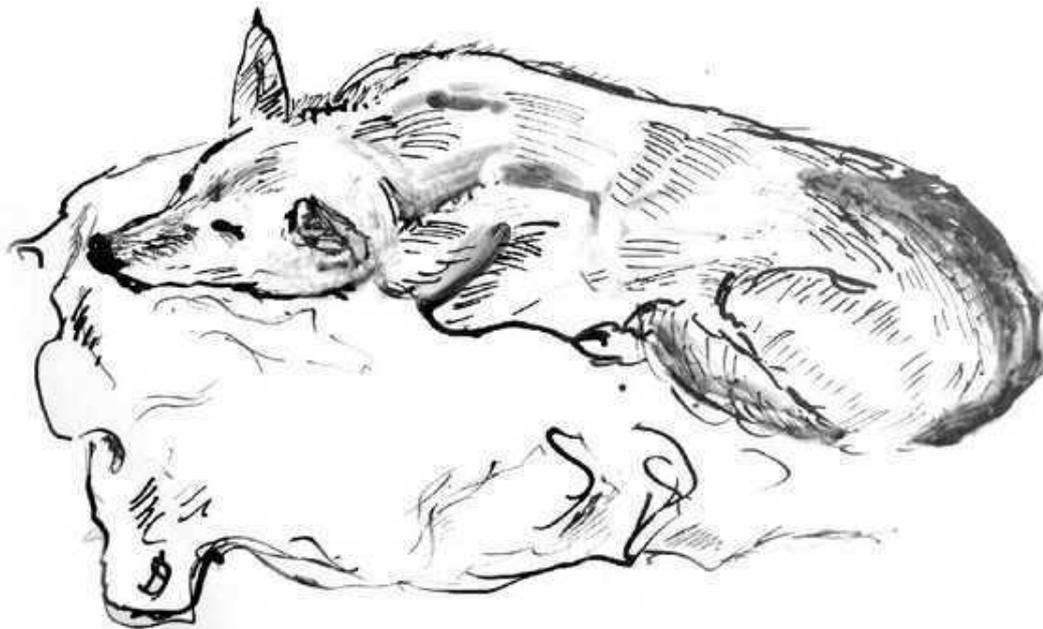
2013

«Ночами кто-то мною дышит...»

Ночами кто-то мною дышит,
а днём я сам кому-то снюсь.
Душа не видит и не слышит,
в какую бездну я несусь.

Какие пробегают тени
в бессонной ночи надо мной,
какие мне пройти ступени
ещё предписано Судьбой.

2012

«Ночь. Полная луна. Бессонница. Увы...»

Ночь. Полная луна. Бессонница. Увы...

Три ночи я – подобие совы —
как некогда, страшусь безумия:
три полнолуния – три полоумия.

Луна! «Сверх Инь»! Распутница! Магнит!

Слепит, сияет, щурится, манит...
Как в бане баба голая – бела,
как раскалённая болванка добела.

Сияет в небе круглая печать.

Как приговор. И хочется кричать.

Недаром волки воют на луну —
они в ней чувят смерть и тишину.

Снег глушит звук. И крики бесполезны.

Луна же – ненасытная, как бездна,
как ненавистная когда-то мне невеста,
всё лезет в душу мне. Но не находит места.

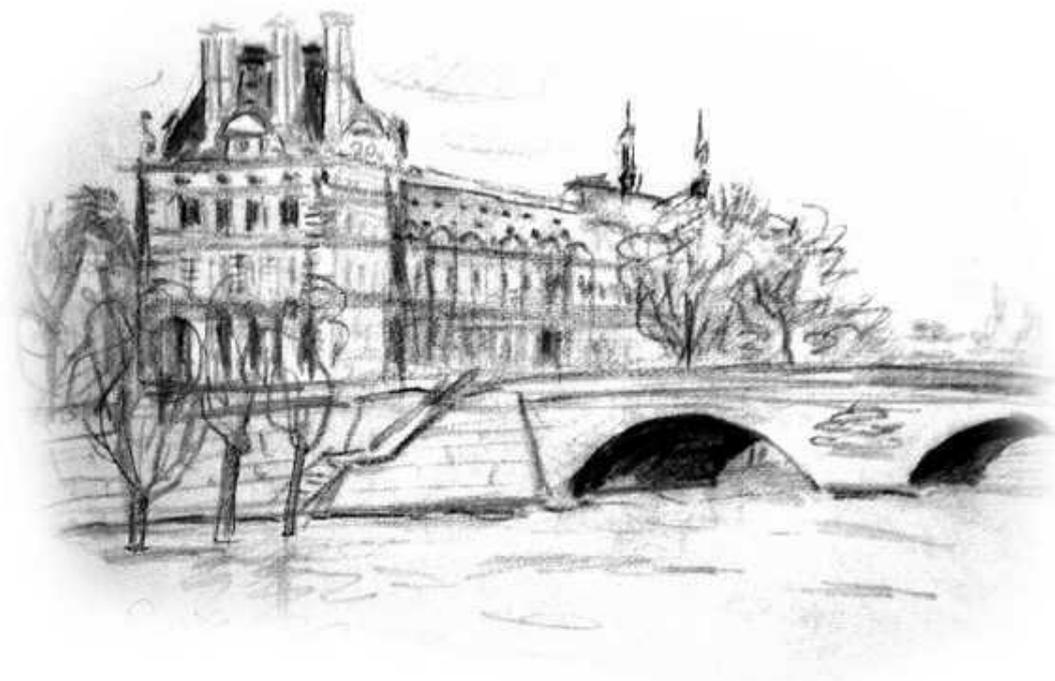
2010

«Домик спит над речкой Волгой...»

Домик спит над речкой Волгой,
где-то лает сонный пёс,
ветерок прохладный, волглый
шевелит концы волос.

Вот пришёл конец и лету...
Месяц бледен и рогат.
Покажу ему монету —
может, лягу в гроб богат.

2012

«Как долго стихает уличный гам!..»

Как долго стихает уличный гам!
Как мрачно чернеет вечер весь!
Я глух почти ко всему, что не *там*
и слепну, глядя на то, что *здесь*.

Душа уже рвётся в Бездну лететь,
а прежняя память являет мне
пейзаж, на который нельзя глядеть
без слёз и восторга, как в сладком сне:

река, монастырь, корабликов плеск,
базар у причала – там гвалт и звон.
Глаза слепят колокольни блеск
и золото солнца у белых колонн...
И гулко гудит мелодичней всех

за рекой колоколелитейный цех.

2011

Лица

Бывают ночи – попадаешь в круг
такого же, как бездна, мироздания,
какое окружает нас. И вдруг
как будто преломляется сознание.

Внезапно, как в тумане, как сквозь сон
перед глазами падает страница
и сквозь потусторонний странный звон
ты различаешь возникающие лица.

Вот офицер с георгиевским крестом.
А вот старик. Вон юноша в доспехах.
Монах – китаец. Женщина с лицом
испанского шестнадцатого века...

О, как они внимательно глядят!
Без выраженья, пристально и строго.
Чего-то ждут? И что они хотят?
Ответа? Удивления? Восторга?

Я вас узнал, *вместилища* мои!
И понял ваш вопрос! Нет, я не предал
ни одного из НАС! И все бои
веду в самом себе. А наше кредо —

принять всё то, что было и грядёт,
как чудо, нам ниспосланное Богом,
я пронесу сквозь каждый день и год
и Духом буду крепнуть с каждым годом!

Дурного совершил я сколько мог
неволью, хоть жестоко, может статься.
И если в судный час помилует Нас БОГ,
то с вами, ЛИЦА, я смогу обняться!

2008

«Мы все с пелёнок возвращаем смерть...»

Мы все с пелёнок возвращаем смерть
и прославляем жизни круговерть.

В какой-нибудь значительный момент
ты волен изваять свой монумент
и написать автопортрет в пейзаже,
не опасаясь обвинений в краже
сюжета у Мане или Ватто:
сугроб, ты в валенках, с бутылкой и в пальто...

Какой абсурд! Ты – роза и гербарий,
художник, сочинитель дивных арий,
ты повелитель грёз и вещей снов,
молекул, клеток, мышц и сухожилий,
ты маг витиеватых слов
и пленник миллионов жизней!

Но также ты – увы! – и трус, и лгун,
и обожатель похотливых лун,
предатель, вор, доносчик и палач,
продажный прокурор, блудливый врач.
Ты лжесвидетель, извращенец, раб,
завистник, зверь и духом слишком слаб!

Но кто всё это разом намешал?
Кому ты во Вселенной помешал?
И как мы влезли в эту круговерть,
где с первым криком возвращаем смерть?

2010

Пётр

– Хлеб этот пресный – тело моё.
Это вино – моя кровь.
За вас предаётся тело моё
и моя будет пролита кровь.

Предающий меня здесь, среди вас.
но нам с ним так на роду.
Он этой ночью меня предаст
и завтра будет в аду.

Все всполошились: Не я! Не я!
Не я, Учитель, но кто ж?
А Симон Пётр: Да я за Тебя —
в тюрьму! На смерть! На правёж!

– Говорю тебе, Пётр, ещё сего дня
пока не крикнет петух,
ты трижды откажешься от меня!

Вам же – крепить ваш ДУХ,

ибо то, что о МНЕ – приходит к концу.
У пророков – к злодеям причтён.
Сын Человеческий ныне к ОТЦУ
пойдёт кровавым путём.

Потом всё стало, как ОН предрёк:
толпа, вкус Иуды укуса,
и Пётр мечём ухо отсёк
рабу, что вязал Иисуса...

Когда Господь приведён был, как вор,
к Первосвященнику в дом,
Пётр прокрался за ними во двор
и грелся *над их* костром.

И первой служанка узнала его:
А ты ведь его ученик!
– Да что ты! Не знаю я здесь никого! —
ответил Пётр и сник.

А вскоре другой на него указал:
Не ты ли вчера с ним был?
– Да нет! Никогда! Я же вам сказал!
И страх Петра охватил.

Животный страх, когда ни честь,
ни память, ни долг, ни мать
не в силах ужаса одолеть,
слабость души унять.

И тут же третий зло прошипел:
Галилеянин ты, как и тот!
– Ну нет же! Клянусь вам!!! – и вдруг запел
петух. И Петра поворот

к арке той, где стоял Христос,
как крик был, как вопль, как стон!
А во взгляде Иисуса немой вопрос —
ты помнишь? И Пётр вон

вышел в страшное утро, во мрак
и рыдал до безумия, бреда...

Уже две тысячи лет вот так
предавший знает, что **предал**.

А мы всё летим в никуда ниоткуда,
но свыше слышим: будь твёрд!
К счастью, не в каждом из нас Иуда,
но в каждом почти – ПЁТР.

2008

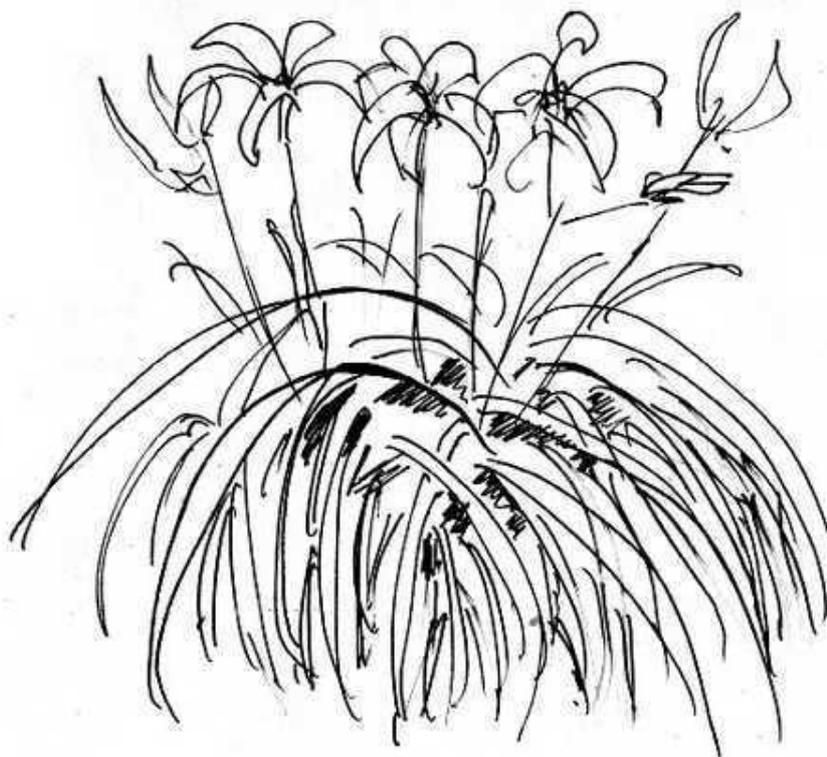
Алапаевск

Посчитай, сколько раз ты увидел во сне
Иванова, Петрову, в каких обстоятельствах?
Было ль это зимой, или ближе к весне,
называли ль они тебя Ваше Сиятельство?

А бывало ль, что снились большие столы,
генералы, министры... как там их по отчеству?
Адъютанты, парады, кареты, балы?
Называли ль тебя они Ваше Высочество?

Ну, а если сквозь сон паровозным гудком
прокричат: «Кто ж теперь до тебя докопается?!»
Если ты закрываешь княгине платком
бледный рот – ты расстрелян.
Ты в шахте гниёшь в Алапаевске.

2009

Апреля дребедень

Л. Мамцовой

Апреля дребедень —
как джаз сороковых.
Я помню каждый день,
И нас в те годы и в
пятидесятые, —
смотрящих на ночных
сеансах «фильмы,
в качестве трофеев
взятые».

В крошечной нищете
послевоенных лет
на скатерте-щите
стрекочит яркий свет,
дразня, высвечивая
роскошные столы,
пиры, балы
и красоту, пока ещё
нигде не встреченную.

Бесстрашный Робин-Гуд
(и он же – Эррол Флинн)
у многих нас зажгут
в сердцах неугасим
Луч Благородства!
Как у всех мужчин
«трофейного кино» —
во время самого
свирепого уродства.

Трофеи той войны
уже почти что тлен,
(шедевры старины
насилъно взяты в плен).
И только чудом
«трофейное кино»
открыло вновь окно
из мрака в свет —
слепым, глухонемым,
голодным, злым,
но победившим людям.

Весна и диксиленд
сливаются в одно

из всех трофейных лент
чудесное кино
моей суровой юности...
И до сих пор оно
добрее и умней
всей нашей жадности
и глупости.

Весенний марафон —
и джаз сороковых!
Сияние и звон
тарелок золотых,
гитары, труб,
тромбона, саксофона...
Так выпьем же за всех
оставшихся в живых,
а также и за тех —
ушедших, дорогих!
И вспомним всех их разом!
Кто, как вино,
глотал кино
сороковых,
тот навсегда был опьянён
звонящим джазом!

2010

Алексей Козлов

Полёт в Калязин

Под бой часов, размеренный и точный,
своим сознанием восточным и порочным
потомок Брахманов – Левитов православных —
я медитировал в раскачиваньях плавных.

Я проходил как тень сквозь стены дома
и улетал с обледеневшего балкона,
надеясь встретить ангелов парящих,
но видел бесов – пьяных и смердящих.

И я услышал голос псалмопевца —
слова давно прочитанного текста:
«Вы все стоите на краю всё той же ямы,
которую упорно и упрямо

вы рыли целое тысячелетье
и преуспели в прошлое столетье.

И если не опомнитесь, то снова...»
И он умолк. И более ни слова.
Тут я очнулся. В комнате темно.
В пол свечки тлеет грязное окно.
Как отвратительно в Москве, мой друг Ерёмин!

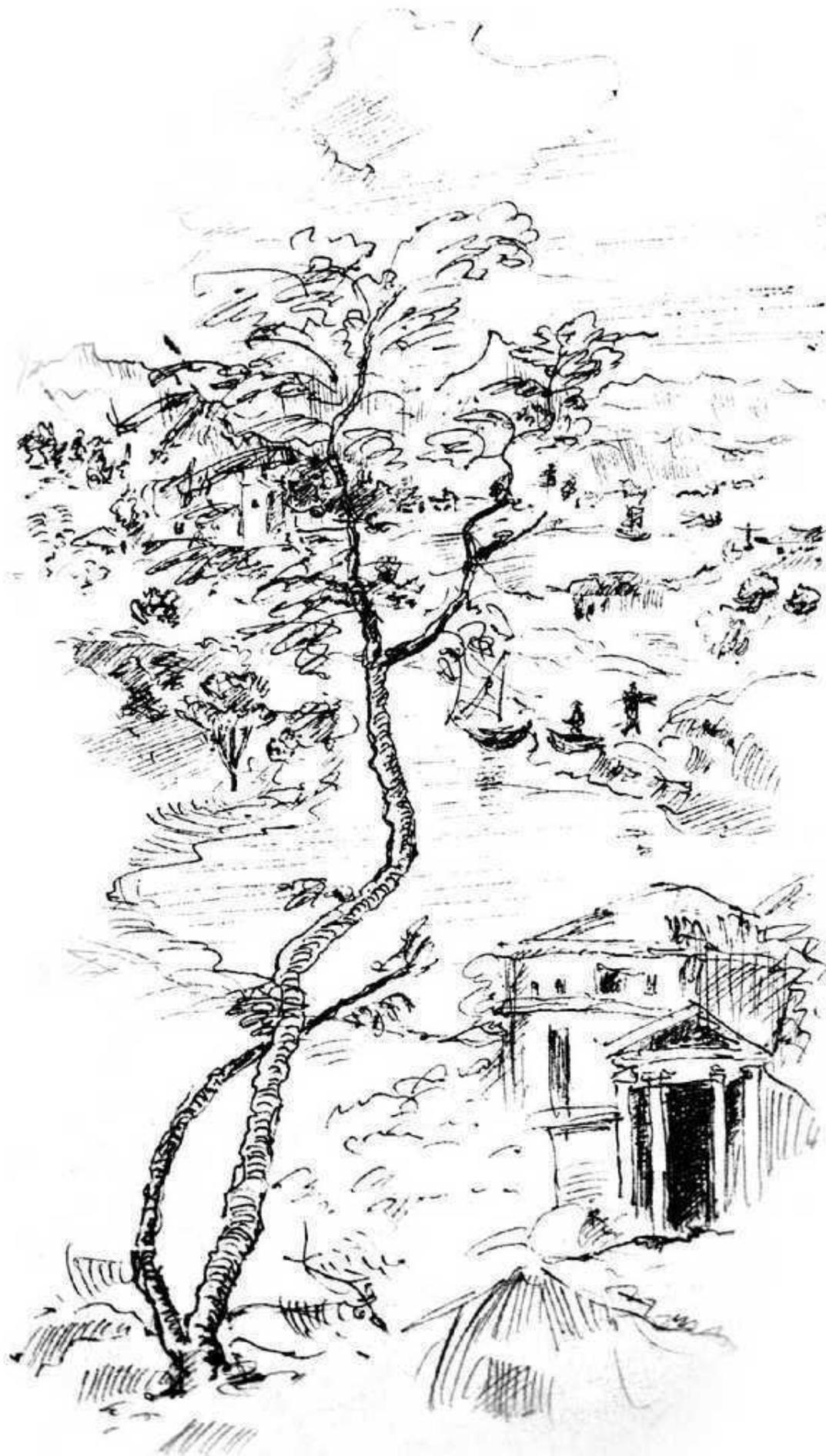
Да будь хоть вся она построена из брёвен,
но запредельный диоксид азота
отравит батальон, не то, что роту.

А есть ещё СО и СО₂,
свинец и сера, хлорная вода...
В Москве мороз вонюч и безобразен.
Я с ангелом бы полетел в Калязин,

где из воды торчит ракетой из штольни
непотопляемая колокольня.

Там воздух чист, хотя всегда в избытке
С₂ Н₅ ОН в любой улыбке.

2009

Воспоминания

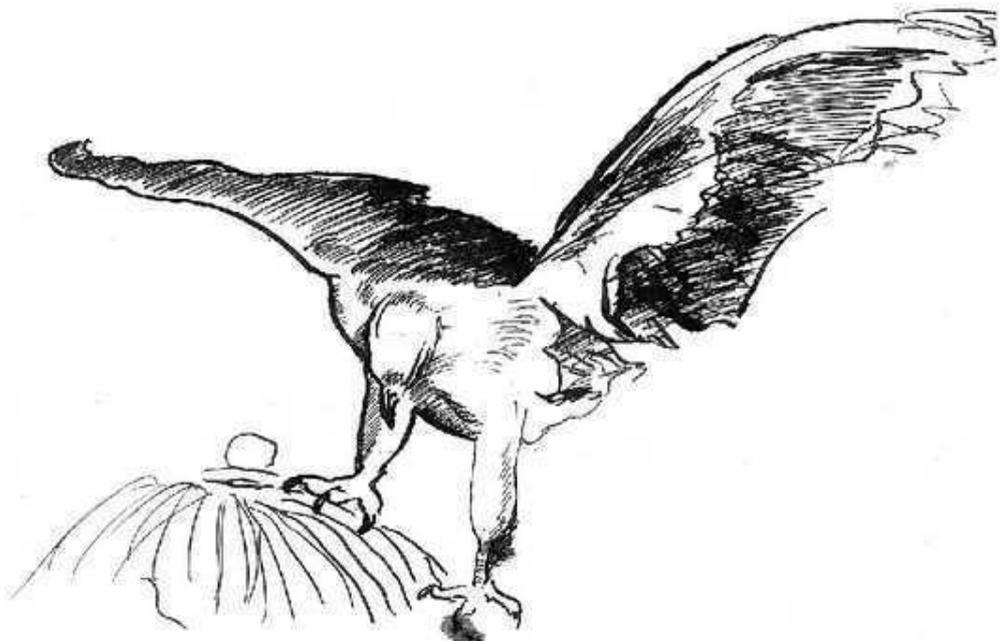
Когда вечер печали чернел у меня за плечами,
когда ветер из Гавани свистом резал меня до костей,
я в голодном бреду изнурительными вечерами
бормотал: «У кого бы поесть?..» А из дома —
ни денег и ни вестей.

Где найти было силы противиться северным духам,
не принявших на дух прилетевшего с юга птенца?
Отвечать ли на сплетни? Подставить ли голову клювам,
что б птенца-чужака клевали они без конца?

Одиночество ярости! Крови! И в каждом углу – Достоевский.
А любовная страсть, как топор, что не знает, кому
разрубить черепок – сладострастной процентщице с детским
личиком, или автору этих вот строк самому?

Наш птенец стал Орлом! Оперился! Он нынче в ударе:
«Выпью с горя, и ринусь, на плаху её волоча!»
Но топор зависает в табачном и пьяном угаре
к обоюдной удаче и жертвы, и палача.

2012

Вспоминаю подвал на Фурманном

Вспоминаю подвал на Фурманном...
О, блаженные те года!
С чистым сердцем, пустым карманом,
а в окне – чьи-то ноги всегда.
Покосившаяся колокольня,
улиц шум, пьяный говор дворов,
во дворе, как в каменоломне, —
эхо смеха и бранных слов.

Двор мой пуст. Душный день отработал.
А в подвале моём, как в гробу:
сумрак, тишь и одна лишь забота —
как проклятую эту судьбу
переделать, стереть до дырки,
а ещё б – улететь, как дым!
Говорят, сбежать из Бутырки
удалось лишь двоим, троим...

Дни мои шелестят, как листочки
из блокнотика-черновика.
Я давно уж дошёл до точки,
до последней, наверняка.
Может, так и остаться в подвале?
В общем, разницы никакой:
там – до гроба карабкаться к славе,
здесь – уже тишина и покой.

2011

Одноклассники

Мгновенна жизнь... Но как подробны
и как длинны, остры воспоминанья!
Я верю, знаю: мир загробный —
изнанка нашего сознания.
Глухое зеркало, точнее – зазеркалье,
обратный сон вне времени и праха.
Слепой эпохи фильм документальный, —
без лжесвидетелей, без голода и страха...

Я снова, снова всех увижу, словно
на старом дорогом дагерротипе:
всё так забавно, просто и условно,
как на голландской праздничной картинке.
Я упаду в свой трёхэтажный муравейник —
в свою мужскую тридцать третью зону —
свободный воин и счастливый пленник...
Там правила суровые законы!

О, буйный хаос перемен и коридоров!
Анархия двора и кодекс драк на речке!
Соблазны непристойных разговоров
и соблазнительные грязные словечки...
Так собирайтесь, семиклашки-старикашки!
Чубы набриолиньте – из кино фасончик!
Отпарьте ваши брючки и рубашки —
устроим танцы под трофейный патефончик.

Мы пригласим красавиц в белых фартучках
из женской зоны номер девятнадцать,
вы их узнаете на нашей общей карточке,
когда нам стукнет всем АЖ по пятнадцать!
С блондинкой Ритой я станцюю Рио-Риту,
и Пад-и-грас с грассирующей Эллой...
(Пройдёт лет тридцать и погибнут в Риге
другая Рита и другая Элла).

Ну, а пока отличники Захаров,
Савельев, Деменчук, Герасименко
никак не могут разобраться с парой —
танцуют с Галей В. попеременно.
Ах, Галя В. с пушистыми глазами!
мы с ней не станцевали даже вальса!
Я, кажется, любил её годами,
пока в восьмом не встретила Б. Настя!

Вот Стасик Уткин – тощий, вечно бледный, —

скромняга тихий – мой сосед по парте.
Он на уроках спал, а вечерами, бедный,
работал в гараже в Центральном парке.
С ним не дружили – (тайные пороки!) —
сейчас он в первый раз пришёл на танцы.
А у меня он списывал уроки,
решения задачек и диктанты.

А через год весь город колотило:
ночами южными – убийства, ограбленья...
«полуторка» и банду развозила,
и полутрупы после расчлененья.
Как быстро Стасик распрощался с детством!:
суд проходил у нас в спортивном зале:
за скромность, тихий нрав, по малолетству
«десятку» Стасику за три убийства дали!

Лет через пять зимой в Оленегорске
нам не давали выйти из вагона —
под нами шёл этап шеренгой пёстрой —
унылая и серая колонна.
Всё как положено: солдаты, автоматы,
немецкие овчарки, офицерик,
оружий на бредущих хриплым матом
и доводя овчарок до истерик...

Мороз за тридцать, шапки зэков белы
от инея и пара их дыхания.
В холодной тьме вдруг засверкали стрелы
и сполохи полярного сияния.
И тут я с зэком встретился глазами —
он поднял голову, придерживая шапку...
Я крикнул: Уткин!!! Ты?! И со слезами
Рванулся вниз, схватил его в охапку.

И он заплакал – тихо и смиренно,
(возможно, точно так же убивал он?)
Все стихли. Стали все мгновенно:
солдаты, зэки, офицер и волкодавы.
Все почему-то были очень рады.
Но больше всех охрипший лейтенантик:
«Вы что – знакомы? Родственники? Братья?» —
«Мы одноклассники..» – и Стасик всхлипнул в ватник.

«Стой! Перекур!» – вскричал наш одногодка. —
«Два шага влево! Надо же! Вот встреча!»
Мой друг художник вынул флягу с водкой,
и вчетвером мы выпили за встречу.

И вот, в 52ом, в начале мая,
когда мы все слились в единой точке,
я, наконец-то точно разужнаю,
куда он делся после той полярной ночки.
Возможно, он устал, остепенился,
и одинокими, зловещими ночами
он видит ужасом охваченные лица
своими мутными поблекшими глазами

и плачет... Или где-нибудь в Одессе
он сколотил смышлённую команду,
и, разъезжая в шестисотом Мерседесе,
с ухмылкой вспоминает школу, банду,
полуторку с кровавыми мешками,
как в детстве никому он не был другом,
делёж добычи мрачными ночами
и нашу встречу за Полярным кругом.

Длинней всех жизнью ты – таинственная Память!
В тебе – печать Божественного воска.
И разве можно что-нибудь исправить,
блуждая в тёмных катакомбах мозга?!
Савельев, Гликман, Славский, Великодний,
Захаров, Деменчук и Трёмбовельский, —
не важно, где вы – живы, в Преисподней,
или же в кущах Райских поднебесных —

слетайтесь, ангелы послевоенных будней!
Я жду вас смутными бессонными ночами.
Мы все обнимемся и радоваться будем,
что мы совсем, совсем не подкачали!
Но память! Жизнь! И встречи, встречи, встречи...
Враги, друзья – все так и рвутся в гости!
Одни – как пули или залп картечи,
другие – ярких бриллиантов горсти!

2014

«Мой дружок, подмастерье, талант, ученик...»

Мой дружок, подмастерье, талант, ученик,
навещай меня чаще, я буду с тобой вспоминать,
как в весенних горах красноклювые галки пикируют на ледник,
а седой эдельвейс на камнях расстиляет свою серебристую рать.

Мы вернёмся с тобой в благородный и радостный мир
Древней Греции, Рима, – героев, поэтов, богов...
В честь Сократа, Платона и прочих устроим мы Пир
и зажарим богам по сосиске, – за нехваткою тучных быков.

Я открою тебе два совета, известных с древнейших времён
и отгиснутых золотом в Дельфах: «Познай самого себя»
и – «Ничто через меру»! И сколько же славных имён
поверяли по ним свои жизни – ещё до меня и тебя!

Я тебе расскажу, как страстями коверкает душу порок,
научу защищаться от ведьм и завистливых глаз...
Молодость – самый коварный и самый ответственный срок
изо всех, что придётся тебе отбывать ещё тысячи раз.

А потом как даосы на облаке мы слетаем в Тибет и Китай,
ты поймёшь Пустоту и законы гармонии – (Ян тире Инь).
Ламы нас посвятят в закоулки загробных секретов и тайн,
так что Смерть в нашем сером кино засияет ярчайшей из героинь!

Но не будем спешить, мы ещё поживём, – мой дружок, ученик!
Навещай меня чаще – мы будем с тобой вспоминать
Как в Тяньшаньских горах красноклювые галки пикируют на ледник,
а седой эдельвейс на камнях собирает свою серебристую звёздную рать!

2010

Еретическое

Я
MADASADAM,
изгнанный из рая! И в ярости своей прозрел:
одно изгнание на два разделяя,
синклит еврейских магов захотел
продлить самонадеянного стада
самообман.
Адама не было!
И ада
вы не найдёте, кроме как у нас.
САТАНАТАС!
Господь всего лишь свой порядок спас.
А изгнан был из Рая ученик
из самых любопытных... Так возник
наш славный предок – с нашей кровью
и САМОГО по образу-подобию.
Женой ему была совсем не дева,
а змейка тихая. Порода – эфа. (Ева?)

2010

«Всю ночь я пил, рыдая...»

Всю ночь я пил, рыдая,
всю ночь рыдал, пия...
И тут ко мне из Рая
вдруг приползла змея!

Протягивает яблоко —
ешь, говорит, подлец!
А на меня из облака
глядит наш Бог-Отец.

Глаза сердиты, узкие,
качает бородой.
Я пил-то без закуски и
не запивал водой.

Я восклицаю: Отче!
Мне знанья до звезды!
Я Раю свою ночью
и днём – туды-сюды!

Была до Раи Ада —
я думал – на года!
И не была преграда
её мне нагота.

И я теперь, рыдая,
молю: Спаси, Отец!
Ни Ада, и ни Рая...
Короче – мне звездец!

Отец меня послушал,
кивнул, благословил...
И яблоко я скушал.
А змейку удавил.

2009

Метаморфозы

Тайга оказалась лесом.
Лес – парком. Парк – садом.
Судьба закрутилась бесом,
каркает! Повернулась задом.

А раньше-то как ласкала!
То виски поила, то квасом.
Как пела! Совсем как в La – Scala!
И тенорком, и басом.

А теперь – об одном молиться:
как бы сад не стал огородом.
а огород что б не превратился
в клумбу с крестом и гробом.

Да и то – эка невидаль! Каждый
прорастёт сорняком или маком.
Не загнить бы душой! А то жабой
в новой жизни станешь...
Иль раком.

2009

Осень в деревне
х/м музей им. Д. Г. Бурьлина в г. Иваново

Палитра осени

Палитра осени скромна:
мышьяк, сурьма, лисья...
Когда ты смотришь утром на
кристаллы инея на листьях,

голландской живописи нить
сверкает в переливах тона,
и сразу хочется купить
кистей, холста или картона,

белил слегка на облака,
две охры, кобальт, кадмий красный...
И ты остался на века
этюдом осени прекрасной.

2008

«Путь жертвы трогателен, нежен...»

Путь жертвы трогателен, нежен,
и от рожденья своего
она всё знает – неизбежен
конец насильственный её.

Путь палача прямой и твёрдый:
готов всегда рубить с плеча,
а жертва, оказавшись мёртвой,
судьбу меняет палача.

И вот уж сам палач на плахе.
Но чует палача палач,
как третий и *ЕМУ* с размаху
снесёт башку его, как мяч.

2013

«Страшная штука жизнь...»

Страшная штука жизнь.
Много разных людей.
Банков, фабрик, машин,
ресторанов, блядей...
Слава, богатство, блеск —
это прах, мишура,
но не бежать же в лес
шишкам кричать Ура!
Сложное дело – жить —
езде, куда ни смотри.
Главное – не спешить:
Вселенная вся внутри.
Чего только там нет!
Вулканы, озёра, клоаки,
капуста, остатки котлет,
битвы, засады, атаки...
Белые, красные, не поймёшь кто...
Коричневые и др.
Взрывы Галактик на день по сто...
А сколько там Чёрных дыр!
Небесной музыки звон,
гормонов немощный гул...
Возможно, мой нынешний сон
смотрит сейчас Вельзевул.

2013

Стрепет и даже дрофа

Стрепет и даже дрофа,
пёстрая, как строфа,
попадались в степи —
как тяжело нести
в дни моей юности!

Редкий, как ягуар,
в горах высоко – улар,
кеклик на склонах гор,
а фазанов, что сор:
залетали чуть не во двор.

В пустыне рос саксаул.
Это помнит только аул.
Зимой им топили печь,
можно хоть голым лечь
и тепло не надо стеречь.

Там, где готовят плов,
стреляли перепелов,
а теперь – стелется дым,
гул моторов и шин
от скопления машин.

Что происходит с землёй,
произошло и со мной,
да и с каждым из нас:
кто-то теряет нос,
кто-то глаз.
переполнен Парнас.

Меня донимает кашель:
в груди поселился шашель.
Сколько пришло бед
за пятьдесят с лишним лет,
включая и интернет!

Не надейся, не жди, не верь!
Но и не бойся. Теперь
нам не нужны дрова.
И тяжёлая голова,
как подстреленная дрофа.

2008

Возвращение с охоты

Ущелье – чёрный гроб, и только светлой пеной
река грохочет, как гигантская гюрза.
В могильной тьме глаза грозят изменой,
и тянут плечи вниз двустволка и рюкзак.

А небо! Сколько звёзд! Вон – Орион, вон – Вега,
Медведиц два ковша... Смотреть – сойдёшь с ума.
Пока не рассвело – дойти бы до ночлега.
Дорогу развезло, и близится зима.

За целый день стрельбы – всего-то два фазана,
а силы нет азарта превозмочь.
И, как всегда, вдруг падает неожиданно
Тяньшаньской осени убийственная ночь.

2013

Душа моя

Душа моя, ласточка, Фея!
Чирикай! Не унывай!
И зябкую Музу лелея,
дыханьем своим согревай.

Свеча моя, светом несветным
вселенную всю обними!
Пророческим сном предрассветным
себя и меня обмани.

Летай, восторгайся, печалься!
Прекрасны минор и мажор.
Тебя в фантастическом вальсе
небесный ведёт Дирижёр!

В ладони тебя Он как рыбку
подхватит и скажет: Пора!..
Как в жизни всё кратко и зыбко —
побудь хоть со мной до утра...

2008

Поезд жизни

Поезд жизни несётся во мрак.
Глянь! Уже гроыхает в туннеле!
Ты кричишь: Это всё?! Как же так?!
А в ответ: Это так. В самом деле.

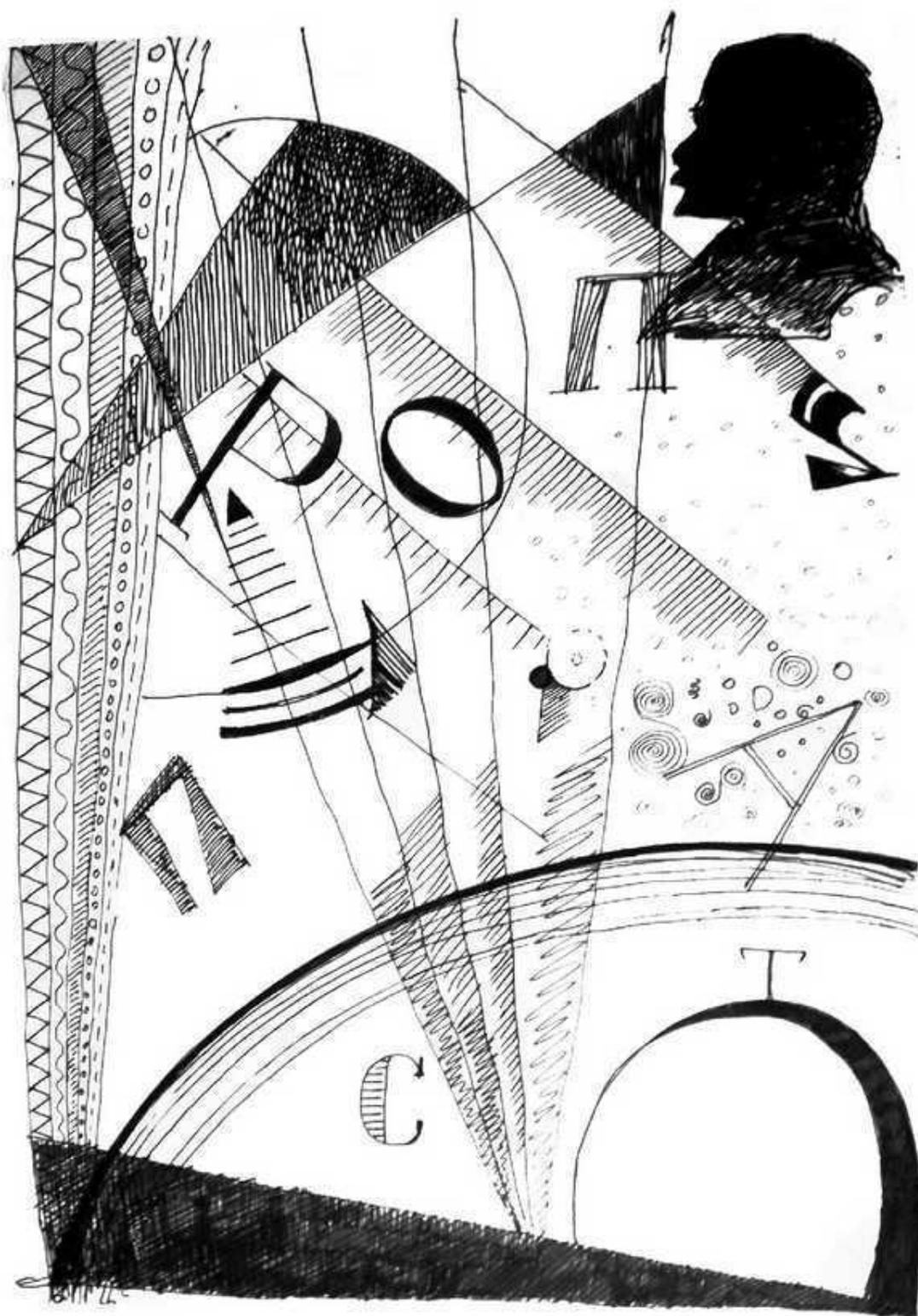
Боже мой! Ах ты, Боже ты мой!
Позади – столько грусти и счастья!
Как смириться с потерей такой?
Как уйти от последней напасти?
Дезертировать в детство, назад?
Или лучше – в утробу, как в прядки?
Эк, хватил! После смерти и так
ты окажешься в чьей-нибудь матке!

Ну, тогда за военным столом
мне б жевать лебеду, как мочало
с кукурузной лепёшки углём.
Я готов повторить всё сначала!
Вон на печке кипит котелок, —
в нём доверху гнилая картошка.
Вместо чая у нас кипяток
и возможность погреться немножко.

Скарлатина, понос, дифтерит,
одиночество в жаркой кровати...
Это всё об одном говорит:
детство было не очень-то сладким.
Да и после не слаще пришлось,
хоть Судьба и дарила подарки:
Лев, Близнец, два Тельца, даже Лось, —
чудо – звери в моём зоопарке!

Жизнь, как битва на чаше весов, —
Либо ввысь, либо в бездну, в болото.
Я готов! Я готов! Я готов
честно биться до смертного пота!
И над Бездной, уж еле дыша,
вспомнить мать, скарлатину и голод,
чтобы с жаркой надеждой Душа
полетела в космический холод.

2008

«Палачи устают и стареют...»

Палачи устают и стареют...
Воруют, жиреют, тупеют,
забывают своё ремесло.
И грозят им из Ада Держинский,
Сталин, Берия и Вышинский,
вдохновляя на новое Зло.

Но вожди во главе с Джугашвили
не ведали, что творили —
на Руси был негласный закон:
палачей всегда было больше,
чем жертв: декабристы, Польша...
Шесть тысяч, каждый сотый казнён...

Разорили чекисты как грядки
вековые России порядки:
тысячелетний порушен баланс!
Бей своих, чтоб чужие боялись!
И уж так они перестарались,
как не ведал ни Фриц и ни Ганс.

Пролетело полвека и поросль
всех распятых, расстрелянных порознь
собирается в общий кулак.
И на чудо белому свету
коммунистическую телегу
скинул в Адскую пропасть ГУЛАГ!

Вот и всё. И пойдёт так поныне:
то победа будет за ними —
перерожденцами прошлых жертв, —
то опять заиграют плечами
палачи с тупыми мечами...
Их всё меньше, и вождь их мертв.

Вождь гниёт, и сгнила их идея,
и никак не найти им Злодея,
кто бы снова свернул всех в рог!
ВЧК – КГБ перебрали.
Кончен бал. Палачи проиграли.
Но пойдёт ли им впрок урок?!

2014

Натюрморт на фоне знамени
х/м, 2012

«Я искал для бессонницы имя...»

Я искал для бессонницы имя —
до зари в словарях рылся.
И уже засыпая над ними,
осенило: бессонница – крыса.

А тоска, как осенняя муха,
всё зудит непонятно и рвотно —
что-то шамкающая старуха,
обезумевшая бесповоротно.

Слева – крыса, справа – старуха,
ну, а сверху – ступеньки в Бездну.
Дай мне, Боже, толику Духа,
перед тем, как туда полезу.

2013

«Там наверху, а может быть внизу...»

Там наверху, а может быть внизу,
поскольку мы не знаем ориентиров,
меня как драгоценную лозу
оберегает стайка Серафимов.

Чего не скажешь о земных путях,
где легионы бесов козлоногих
устраивают пляски на костях
живых, или уже убитых многих.

Так по ночам, как будто в бурю, в шторм,
ещё во сне шепча слова молитвы,
под яростное громыханье штор
я просыпаюсь в самом сердце битвы.

Но шторы неподвижны. Слышен писк,
визг, верещание смердящих тварей,
точно прибитых крысоловкой крыс,
или стенанья жертв ночных аварий.

Очнулся. Тишина. Глаза открыл...
Свет кажется сквозь шторы бледно-алым.
Меня десятки шестикратных крыл
овеивают мирным опахалом.

2014

Последний монолог Треплева

В. Михайловскому

Как давно уже я не готов
целовать следы ваших ног!
«Даже звук» – уж не вскрикну, – «шагов
её так прекрасен!»
Напрасен...
Как неловко глядеть на неё —
на чужое кривлянье её:
«Я – чайка! Нет не то! Я – актриса!»
Стыд вгрызается в сердце как крыса:
«Глупость кладу я у ваших ног!»
(Разве представить себе я мог —
мы снова вместе, одни?!)
В темноте я вижу огни...
«Серой пахнет! Так надо?»
И я слышу *другие* шаги —
и молю: помоги, помоги! —
скользящих невидимых ног...
(О, как мать моя будет рада!)
Даже звук их – взведённый курок —
воронёный, вороний,
потусторонний —
Так прекрасен! И РОК...

2008

Старенькая муза

Поздновато меня укусила кровопийца-муза!
Чтобы пылко любовь воспевать, не хватает тестостерона.
Я теперь без пилюль, без отваров пустырника – как безголосый Карузо,
как на пустом пустыре без отбросов дворняга, или ворона.

Да кому интересно, о чём я теперь буду лаять, хрипеть, или каркать!
Жизнь – неведомый дар! А дарёной кобыле в зубы не смотрят.
Старость скоро сама по зубам тебе даст – сразу вспомнишь, как кровью харкать.
Не сойти бы с ума! А то бред и безумие всю мою прежнюю жизнь испортят.
Что касается жизни – я выпестывал её по шажкам, по крупичкам;
– Вам помочь? – Не дай Бог! Никогда! Только бы не мешали!
Но мешали всегда. А когда уставали мешать – я взвивался как птица
и летел в запрещённые властью поднебесные дали!
Власть! Спасибо тебе! Только ты мне давала понять, что такое Свобода,
или Евангелие! И что Россия прекрасней, чем любые Союзы.
Будь ты проклята за убитые самые лучшие годы!
Но ещё раз спасибо за поздний укус-поцелуй моей старенькой Музы.

2008

Художник – садовод

Художник-садовод белилами покрасил
корявые стволы запущенных деревьев.
Но труд его был вовсе не напрасен —
он оказался в хороводе страстных дев.

Сияли обнажённые модели
уродством и великолепьем форм,
седой садовник, искушённый в деле
любви и живописи, вслушивался в хор

угроз и вздохов, шёпотов, попыток
обвить его хлыстами жадных пней:
«куда бы делся ты от наших пылких пыток,
когда у нас бы не было корней?!»

2009

Поводырь

Давным-давно... Когда-то... Далеко...
Свидетели, как мало вас осталось!
До умопомрачения легко
тогда дышалось, пелось и казалось,
что празднество моё продлится вечно —
легко и радостно, свободно и беспечно.
И вот теперь я стар, и глух и слеп,
хотя порой в душе поют свирели,
и мне уже мерещится тот склеп,
где я усну на каменной постели.
Но к старости слепой я шёл не зря —
судьба открыла мне поводыря!

Мой страж, мой Ангел, как же ты мне мил
своею верностью слепой ко мне – слепому!
Тобою вовсе я не дорожил,
хотя всю жизнь спасению любому
тебе обязан! Сколько раз я мог
сгореть, замёрзнуть, утонуть, убиться
в горах, в пустыне, в тундре иль у ног
прелестной ненасытной кровопийцы!
Что я тебе? Больной и неуклюжий,
и вечно оступающий в лужи.

Веди меня, мой бескорыстный друг —
я постараюсь меньше спотыкаться.
Как быстро тает драгоценный круг
моих друзей! Не дай мне Бог остаться
здесь одному – без вас, без *них*, без многих,
как пню среди деревьев одноногих!

Веди меня, мой Ангел-поводырь
на край земли, что б я опять вернулся
в тот райский сад, заброшенный пустырь,
где я влюблялся до потери пульса! —
В давным-давно растаявший мой город,
где я был глуп и счастлив, зряч и молод.

2011

Райский сад

Это был заросший дикий сад
сорок девять лет тому назад.

В ту весну до самых летних дней
там кричал безумный соловей,

и его призывный звонкий крик
приглушал журчанием арык.

В том саду у самой у воды
копошились чёрные дрозды,

и гуляла девочка с косой,
со стыдливой белой наготой.

Сколько было у неё ресниц,
столько было в том саду синиц.

Были гром, и ветер, и гроза,
и сверкающие молнией глаза.

Над сплетеньем жадных голых тел
буйный ливень бешено гудел.

Это было в заколдованном саду —
заколдованном Раю или Аду.

До чего ж это был дивный сад
сорок девять соловьёв тому назад!

2010

«Молодость! Страсти! Неужто всё это...»

Молодость! Страсти! Неужто всё это
было, сверкало, горело костром?!
Жизнь пронеслась, как слепая комета,
память сметая ленивым хвостом.

Живопись, цвет! Ах, какая досада —
ссохлась палитра до саж и до умбр —
ими писать бы преддверие Ада,
или же постмодернистский сумбур...

Музы, слова! То ли сон, то ли эхо —
как вас искать? И найдёте ли вы?
Я вас проОхал, проАхал, проЭхал,
я проворонил вас! Где вы, увы?!

Сколько долгов! А в груди моей глухо
колокол прежних рождений гудит,
но ни ума не хватает, ни слуха,
чтобы понять, что он мне говорит.

И, как зажжённая кем-то, лучина
в космосе мозга мигает сто крат
азбукой Морзе: во всём, что случилось,
или случись — ты один виноват.

2011

«Жизнь прекрасна, пока ты совсем не спятил...»

Жизнь прекрасна, пока ты совсем не спятил,
и на совести нет лжесвидетельства грязных пятен,
хоть надежды твои и разбиты в прах.

Всполохи счастья сменяются воплем отчаяния,
доводящем тебя до полного одичания,
и некто тебе объявляет ШАХ.

Но взгляни на себя: ты – муравей, калека,
пешка, облако атомов и молекул,
ходячее дерево без корней!

Так стоит ли врать, лебезить, бояться
без корма остаться? Лстить, пресмыкаться,
превращаться в свиней?

Впрочем, страшнее свиней – крысы,
(как в театре – Народные СССР актрисы).
Нам ещё повезло, что крысы малы!

Если б ростом были они с собаку,
свинью, или с Ленина, или с Ежова-макаку,
тогда России хана! – Не избежать беды.

Так и вышло, хоть мало кто это помнит,
или ложью себя палаческой кормит:
«Вот было время! Нам можно, а им никому нельзя!»

Но – увы! Снова крысы из нор выползают
и до размеров вождей вырастают:
«Вам, товарищи, МАТ! Вы прозевали Ферзя!»

2013

«В России надо долго жить...»

В России надо долго жить
и как-то умудриться
всё время понемножку пить,
но всё-таки не спиться.

И предпочтительнее врать,
а также постараться
тихонько где-то воровать,
но не провороваться.

В России лучше бы молчать,
а если уж приспичит,
то просто громко закричать
по волчьим или птичьим.

А правда? – Ну её к свиньям!
Будь вечно пьяным, сытым,
воруй и ври. И к ста годам
ты станешь знаменитым!

2009

Старая карта

Когда чуждая мне моя жизнь доведёт меня до инфаркта,
а наследники промотают мои небольшие богатства,
пропадут все любимые книжки, но главное – старая карта,
где Литва растянулась от Кракова чуть не до Братска.

А была ведь возможность попасть на задворки Европы!
Но спесивые ляхи, тупые бояре и злые холопы
нас вернули назад, в промежутки, то бишь в Азиопу.
Ведь могли походить на нормальных людей аж в 17ом веке!

Но зато на сегодня мы – самые важные

слепо —

глухо —

немые

калеки.

2009

дети Каина

Последние дни весны

Последние дни весны.
Начало знойного лета.
Короткие мутные сны
про то и про это.

Весна, авитоминоз,
нервное истощение...
Где ты найдёшь наркоз
раскаяния и прощения?

В первых лучах, облаках ли
восходящей зари?
Поздно – погасли, зачахли
юности фонари.

Белых прозрачных ночей
сырое очарованье.
На чьей стороне ты, на чьей,
обезумевшее сознание?

И что ты ночами всё ждёшь,
выискиваешь в тумане?
День ли, когда ты уйдёшь
за теми, за ними, за *Вами*?

Прожита жизнь... А пока
ничего нет прекрасней
юности: девы, цветка
и юной неопытной страсти.

2009

Три слова

Шалфей, брусника, липа, мята —
как в ботаническом саду.
Трава порезана, помята
ещё в каком-то там году.

И всё стоит на дряхлой полке
вот-вот готовое упасть.
А в мыслях будто три иголки —
три слова: Глупость, Старость, Страсть.

2008

Документальное кино

Документальное кино, кино немое,
глухое, серое, туманное, слепое,
кричащее нам лицами с экрана:
«Мы были, как и вы! А вы все рано

иль поздно тоже станете такими,
как мы теперь – глухими и немыми!
И кто увидит вас, захочет ли понять,
о чём вы будете шептать, молить, кричать?»

2009

Антиквары

Антиквары, коллекционеры!
Антимодернисты, кавалеры
дам фарфоровых эпохи Рококо!
Каждый холст – не хуже Тинторетто,
на гравюре – царская карета,
бриллианты – Фаберже и Ко.

И откуда столько тонкой страсти?!
В чьей томятся ваши души власти?
Кто вам с лёгкой щедростью, сполна
помогает находить седую древность,
не испытывая к вам при этом ревность —
бесы, ангелы, Господь, иль сатана?

Может, в прежней жизни вы когда-то
покупали дёшево Рембрандта
и, покуривая в креслице «жакоб»,
любовались мраморами Рима,
вспоминая, как непримиримо
торговались до последних руб. и коп.?

Говорят, подобное к подобным
неизбежно тянется. К свободным
тянутся свободные. Рабы
образуют яростные братства,
до последней капли крови рабство
защищая, что б не избежать судьбы.

Так же и у коллекционеров
существует множество примеров:
спички – к спичкам, к слоникам – слоны,
к серебру – серебряные кубки,
к стразам – бриллианты, к трубкам – трубки,
для шедевров нет пустой стены.

Есть древнекитайское сужденье,
что кончаются банальным преступленьем
наши страсти к штучкам дорогим.
Как легко обманывать сознание,
что твоё «музейное собрание»
делает тебя почти святым!

Антиквар, изящный бегемотик,
острослов, изысканный охотник
за добром блокадных стариков:
весь – любовь, внимание и жалость,

а в глазах поблёскивает жадность:
вот он – Шишкин, Айвазовский, Васнецов!

2010

«Я живу в своей шкатулке...»

Я живу в своей шкатулке —
перламутровый моллюск —
о своей насущной булке
каждым вечером молюсь.
Все космические дали
променял я на диван
и желаю, чтоб мне дали
окончательный мой план.
Сколько мне ещё осталось
душным воздухом дышать,
и моей души усталость
неустанно побеждать?
И когда я из каморки,
где тепло и где уют,
окажусь в морозном морге,
где ватрушек не дают?

2014

Деревня

Ритм бестолкового начала —
вороньи гнёзда нищих деревень.
Деревья шумным ветром раскачало,
и в ночь упал короткий зимний день.

Мужик как местный Лазарь из сугроба
ползёт под еле слышный волчий вой,
а вся деревня – три нелепых гроба,
и староста в деревне – Домовой.

А свету было-то всего часа четыре! —
дров наколоть, да печку истопить, —
и в этом зябком, неуютном мире
осталось только выть и только пить.

2008

«Свет сияет в тиши кромешной...»

Свет сияет в тиши кромешной.
Музыка льётся во тьме безбрежной...
Ты – слепой и глухой! Видишь музыку?
Слышишь ли свет?
Никогда ничего не поймёшь, ничего не узнаешь,
хоть летучею мышью в прошлом своём летаешь...
Кто умеет ходить, не оставляет след.

Жди чудес до последнего вздоха —
Там, возможно, не так уж плохо:
Океан безмолвия!.. Подлость, честь...
Клевета, хвала – ничего не значат!
Там концы и начала друг в друга прячут:
ничего-то там нет, и *всё* там есть.

Будет, будет, где развернуться!
Мутной душой в Океан окунуться —
так написано на роду...
Что нам старость, убитые нервы —
«кто был последним, тот станет первым» —
не в Раю, так в Аду.

2013

«Закатывает смерть...»

Закатывает смерть —
«асфальтовый каток» —
слоями слой за слой
Божественный белок.

А жизнь, как бы шутя
и пробивая твердь,
слоями слой за слой
одолевает смерть.

И так они слились
в объятии своём,
что вечно бродит жизнь
с погибелью вдвоём.

2013

Шторм

Писал ли я тебе о шторме?
О злобном ветре, скользком баке?
О том, как с воем хлещут волны
слюною бешеной собаки?

Как в ярости слепой окрепший
шторм штопором взмывает к тучам
и там, от молнии ослепший,
громадой падает на кручи.

А море – буйный эпилептик! —
всё бьётся головой о скалы,
Гигантский вепрь в гигантской клетке:
пленённый рёв, клыков оскалы.

Писал ли я тебе о лодке?
О рыбаках, о битве с морем?
О том, что сельдь даётся к водке
уже приправленная горем.

2008

Мечты

С. Богословскому

Мой старый дом! Мой одичавший сад!
Мой хлам на чердаке, что выбросить не смею!
Заросший сорняками Рай и Ад —
там яблоки гнилые, жабы, змеи...
Ведь было время – крыша не текла...
Как снова превратить берлогу в сказку?
Снести? Взорвать? Из стали и стекла
построить новую? Ну кто бы дал подсказку!
Ни сил, ни воли, ни желанья – весь
обломовским объят оцепененьем...

Найти б киргизов!
    Попросить залезть
на крышу. Выслушать их мненья.
Позвать таджика.
    В кризис огород
подмогой будет очень ощутимой!
(Таджики – замечательный народ —
он вырастит мне виноград и дыни).
Узбек
положит новенький паркет,
а молдаванин
    выроет колодец.
Мой дом и дикий сад за пару лет
облагородит честный инородец!
И я подумал – как бы хорошо,
полезно, выгодно и – очень **кстати**, право,
для счастья общего – Иван, Кадыр, Ашот —
вернуть бы всем нам крепостное право!

2009

Дорожные знаки

В древнем Uglich'e¹⁵ Ugliest КАТ¹⁶
режет нежному ангелу царскую throat.

В Cursk'ой губе губы рваные «Курска»¹⁷
мёртвых кур сантов в море выплёвывают.

21. 10. 07.

---

¹⁵ На наших дорожных знаках Углич по англ. пишется Uglich, чит. (Aglich). UGLY – безобразный, уродливый, угрожающий.

¹⁶ КАТ – палач, убийца (стар. русский). СУТ – резать (англ) throat – шея, горло (англ)

¹⁷ На наших дорожных знаках Курск по англ. пишется Cursk, чит. (kě: sk). Curse – проклятие, бедствие, пагуба (англ.)

«Из до-библейских древних лет...»

Из до-библейских древних лет
я вижу твой эфирный след —
моя Душа, моя скиталица.
Тебе ещё квартал пройти
и в подземелье перейти...

И снова здесь русеть, италиться,
япониться или китаиться...

2014

«А был ли мальчик? Где скула Адама...»

А был ли мальчик? Где скула Адама,
что пятикнижный археолог откопал?
Была ли первая беременная дама,
чей первый плод убийцей первым стал?

Как хочется, что б были! Но изъяны
в устройстве черепов у разных лиц
являют нам надбровья обезьяны
и злобу узко сдвинутых глазниц.

2012

Философический сонет

Тупой алмаз блестит миллионы лет.
А бабочка, чудесная как сказка,
сложнейшая внутри, как интернет,
живёт лишь сутки – вечная подсказка

философам, что жизнь – всего лишь трюк,
игра ума. Чьего? Какою силой?
Объемлешь мыслью мир! Вселенную! И вдруг
любой пустяк сведёт тебя в могилу.

Но вечен Дух Святой! И мысль проста:
алмаз и твёрд, и радостен для глаза,
весь мир объединяет Пустота,
хоть нет её почти внутри алмаза.

Но радостней всего признаться вслух:
меня и бабочку объединяет Дух!

2008

Философический сонет – II

Мой друг! Ты сетуешь, что смерть уже близка,
что старость кандалами вяжет ноги,
что жизнь как сон мутна и коротка,
что мутно зрение – не разобрать дороги.

Но вспомни: сколько раз ты наступал
на муравья, жучка или на мушку
от скуки, нехотя... Теперь черёд настал
и Некто уж *тебя* берет на мушку!

А ход Судьбы, увы, неотвратим.
Но вот на чём пора остановиться:
ведь *ЧЕМ* перестаёшь ты быть, *ТАКИМ*
уж лучше было б и не становиться.

Смирись, мой друг. И верь лишь в Небеса:
там тишь и ангельские голоса!

2008

Философический сонет – III

Мир нашей Мысли беспределен.
А толку что? Ведь Мысль – в теле.
А тело – гниль, болезнь, урод,
и ждёт его лишь огород.

Гонец спешит, а бег на месте.
Слепой гонец слепой невесте
приносит благостную весть:
луч света в тёмном царстве есть!

Для корабля – это причал.
Конец – начало всех начал.
А мы же крутимся без цели.

Не всё ль равно, кто впереди,
а кто несётся позади,
когда в одной мы карусели?!

2008

«Бумага, темпера, перо...»

Бумага, темпера, перо...
Крутые лбы Библейских ликов.
Ничто на свете не старо
в сиянии пробелов и бликов.

Бумага, темпера, перо,
молитва, лира и палитра, —
и всё забудешь сразу, кро —
ме рифмы радостной – пол литра!

Вот для художника набор
на веки вечные, поверьте!
И отступает всякий вздор,
и нет ни глупости, ни смерти.

вста,
вечное движение?
и искусство
«искусство».

Red gold
No beam to

море

крас-

«Роман»

Город, деревья...

Город, деревья с горы —
это город, деревья...
Но взглядишь и увидишь миры —
из-под красной смолистой коры:
куколки, бабочки, перья...

Подцепи-ка пинцетом – вот клоп.
Он прозрачен, а лапки как сито.
Сделай скальпелем острым соскоб,
или нежно – иголкой подкоп
и пометь карандашиком: Cito.

Лаборант не спеша пыль клопа
растворит на стекле в малой капле
жидкой крови другого клопа.
Подогреет слегка. И толпа
пузырьков зашипит как в бокале.

А теперь глянь на всё в микроскоп.
Видишь: город, деревья...
Вон плетётся с горы рудокоп,
вон солдаты торчат из окопа...
Увеличим ещё: вот и клоп
и вороньи перья.

2009

Стихи на возвращение Ариадны Эфрон на Родину в 1937 году

* * *

Ариадна! Богиня! Какая ты всё-таки дура!
В тридцать седьмом отказаться от мира, Парижа и Лувра...
Возвратиться в Москву – прямо в лапы к Ежову! Попасть за решётку,
отсидеть восемь лет! Через год получить пожизненную путёвку
на бесплатный курорт в Заполярье – тупой Туруханск —
заурядный могильно-белёсый бесхитростный ХАМСК,
где навечно запомнили каждый бес или ангел,
как смердели в нём Джугашвили и Гаухман Янкель.¹⁸

Ну, а ты – ты наивный Работник Культуры, голодный цыплёнок,
будь один хоть там кинолюбитель, осталось бы несколько плёнок,
как писала ты лозунги под сиянием северных кружев,
прославляя «Октябрь» или «Май» при пятидесятиградусной стуже!
Ах, какая же всё-таки гнусность, какая надсада —
тлеть нежнейшей душой в лютом морге Советского Ада!

* * *

И улетали гуси треугольниками,
как фронтовые письма с похоронками...
И уходил последний пароход,
с трудом сентябрьский раскалывая лёд.

Среди глухих снегов, снегов, снегов,
среди от стужи – как стекло – деревьев,
среди бронированных полупрозрачных льдов,
нехватки соли, хлеба, сил, поленьев,

стихов, любви, тепла, цветов, друзей
и страстной жажды каждодневного рассвета
в полугодичном мраке чёрных дней,
в полугодичной зги слепого света!

И ведь ни разу даже мысли не проснулось:
«какая же ты дура, что вернулась!»

И всё-таки мечты всегда ведут
туда! Туда! Против течения Енисея!
Где может быть... А вдруг?.. Когда-нибудь

---

¹⁸ Иосиф Сталин и Яков Свердлов

ты повстречаешь своего Тезея!

А сколько дней ждала ты День, когда
в твоей груди клубок кровавой нити
начнёт разматываться и поможет выйти
тебе САМОЙ из Лабиринта Льда!

* * *

Уже два года траурную речь
ты наизусть твердишь под звуки Гимна.
А Енисей всё продолжает течь
величественно и противно.

2008

«Когда-то под Москвой на даче...»

Когда-то под Москвой на даче
снял я угол за пятнадцать рэ.
(Червонец плюс дрова в придачу —
зима стояла на дворе.)

В Перово я на электричке
продельвал свой поздний путь,
и электричек переключки
мешали по ночам уснуть.

А девочка в короткой юбке
и в туфельках... Давным-давно...
Порой под свист морозной вьюги
стучала ночью мне в окно.

Я вскакивал и задыхался,
вставляя ключ в дверной замок...
И грел дыханием ей пальцы,
сняв туфельки с озябших ног.

«В каждой ночи моей по десятку ночей...»

В каждой ночи моей по десятку ночей.
Век мой короток, быстр и как будто ничей.
Словно дни пролетают недели.
Никогда не вернуть мне потерянных лет.
Как разбитый недугами старый атлет
я считаю шрамы на теле.

Повторить бы, как чудо, ещё пару раз
мою жизнь – это будет, примерно, как раз
жизнь библейского Исаака.
Вот тогда бы я вправду чего-то успел,
провернул бы с ленцой, не спеша, кучу дел,
не страшился б кончины от рака.

Я бы выучил хинди, латынь и санскрит,
съездил в Индию, Лхасу, Афины, на Крит,
любовался б красотами Рима,
(а пока что я видел всё это в кино).
И, возможно, увидеть мне было б дано
возвращение русского Крыма.

Я достроил бы дачу свою, наконец,
подарил бы жене пару сотен колец,
поменял бы свою жилплощадь
на избу у реки у чертей на рогах,
где ещё не загажены берега,
и купил бы корову и лошадь.

И сто лет я писал бы чудесный роман,
где жестокость, невежество, зло и обман,
где любовь, благородство и сила...
Но и тут бы я песню свою не допел
и мечтал бы продлить моей жизни предел,
как у библейского Мафусаила.

2010

Отгромыхал...

Сияет радуги дуга,
как расписное коромысло.
Особым запахом и смыслом
пронизаны леса, луга,
деревня, липы и стога.

Отгромыхал, отгрохотал
неистово, свирепо, рьяно
Небесного Гудериана
молниеносный грозный вал!

Казалось, Страшный Суд настал.

2012

«Роскошной осени безумное Барокко...»

О. Белову

Роскошной осени безумное Барокко!
Пурпурный занавес осин кровавых губ.
Сквозь клёнов золото разлаписто, широко
чернеет вензелем Петра петровский дуб.

Аккорды красок! Всплеск виолончелей!
Раскаты фортепьян, гобоев плач...
Из благородных лип, тугих и звонких елей —
о, сколько скрипок ждёт тебя, Скрипач!

Но скоро, скоро этот храм багровый
застынет строгой вертикалью призм,
и явит нам закон зимы суровой
сверкающий алмазом Классицизм!

Но вот конец зиме. Витийствуют капли.
И солнца шар пылает высоко.
По всей земле вмиг расцвели, запели
весенние узоры Рококо!

2011

«Караван моей жизни плетётся со скоростью...»

Караван моей жизни плетётся со скоростью
самого ленивого из верблюдов.
Наливаешься свежестью, силой и бодростью,
съев любое китайское блюдо.
До чего же вкусна моя жизнь на старости лет,
до чего же вкусна!
Хоть суставы трещат, да и зрения нет,
и совсем лишился я сна...
Свою радость в душе, как свечу на ветру,
как младенца несущая, заслоняя собою от бед.
Поделиться бы с кем?! Только видимо не по нутру
всем всё знающим слушать мой
невразумительный бред.
Я восторги свои собираю как жнец
на полях моих лучших годов.
Донести б это счастье моё, наконец,
до прозрачных картин и стихов!
Так и тянет намазать на охристый холст
бело-жёлтое масло с ножа!
Бутерморт! И на свечке расплавленный воск
Застывает янтарной слезою, дрожа.
Караван моей жизни мелькнул, как над речкой блесна.
Настоящее вечно, и нам не дадут отдохнуть.
До чего же вкусна моя жизнь, до чего же вкусна!

Иногда, правда, хочется спать.
Хорошо б незаметно уснуть.

2013

Ночи

Белая ночь – белуга,
белёсое наваждение.
Запах мокрого луга,
бессонница, измождение.

Небо – цвет рыбьей крови,
сырость, тревога, бдение,
подёргивание брови,
сердцебиение.

Белая ночь – отражение
смерти – седая, деbeatая
старуха в белой сорочке —
акт самоуничтожения
белкового тела,
привыкшего к ночи.

Белая ночь – доска
гробовая. В ад дверца.
Хватает за горло тоска
по югу, где не биение —
а пение сердца!

Там-то уж день, как день:
жаркий, яркий, сияющий!
Там по ночам тень
от луны, как от солнца – такая же.

А ночь – театральным, чёрным
покровом обрушивается на солнце:
беспробудная, воздухом горным
отгоняющая бессонницу.

2010

«Я не поэт и не художник...»

Я не поэт и не художник,
не лицедей, но вышло так,
что прежних жизней всех заложник
я стал – глупец, чудака, простака.

Я был и воином и шлюхой,
писал стишки, живописал,
пел в опере, пока и слуха,
и голоса не потерял.

На берегах священных Ганга
отшельником я жил в норе
и ламою большого ранга
в тибетском слыл монастыре.

В Китае при дворе вельможей...
И помню смутно: грудь, коса...
Красавица с атласной кожей
со мной творила чудеса.

Стратегом я у Александра
в фалангах доблестных служил
и с ним дошёл до Самарканда,
где кости за него сложил.

И я прошёл ряды ремёсел,
Как сквозь шпиритруенов ряды:
ковры, кареты, рвы, колёса,
часы, мушкетеры и сады...

Таксидермист и переводчик,
(с послами весь объездил мир)
бандит, торговец, переплётчик,
библиотекарь, ювелир...

И всякое рожденье вечным
казалось мне – к чему спешить?
и в каждой гонке быстротечной
мне всё хотелось повторить.

А в этой сумасбродной жизни
я оказался на бобах —
ни то, ни сё – какой Отчизне
служить за совесть, не за страх?

И прошлой памятью терзаем,

мечусь от крайности к другой
между Россией и Китаем
метафизической дугой.

А сколько мне реинкарнаций
ещё придётся пережить?
каких материков и наций
достойным гражданином быть?

И сквозь неведомые дали —
одно желанье – в *ПУСТОТЕ*
без радости и без печали
извечное *НЕБЫТИЕ*.

2011

«Когда тебе семьдесят пять, и ты становишься ветхим...»

Когда тебе семьдесят пять, и ты становишься ветхим,
Остаётся творчество – только им ещё живо сердце!

Дома, в пути, в Египте под пальмовой веткой...
А иначе жизнь на старости лет горше хины и перца.

И ты растягиваешь время, оставшееся у тебя,
переноси его кистью на холст,
а пером на листок бумаги,
или падаешь в сны, где увидишь всё, что угодно,
кроме себя
в своей будущей жизни, – грядущие свои передряги.

И хочется только кричать:
Довольно! Я сыт! Я счастлив!
Я хочу лишь одно НИЧТО!
Ни через сто лет, ни через тыщи!
Никаких воплощений!
Ни в принцев, ни в бесов, ни в ящеров!
Улететь бы за край Вселенной —
там уж точно меня не отыщут.

Но почему же так тянет писать акварелью
розу в хрустальной вазе,
или трясущимися руками
сколачивать ладную табуретку?..
И в каждом рисунке, предмете, в каждой удачной фразе
оставить неизвестно кому,
неизвестно зачем
никчёмную,
непонятную метку.

2013

«Прощай, мой друг! Теперь уже прощай...»

Прощай, мой друг! Теперь уже прощай.
Мне шепчет Смерть: До этих пор, не дальше!
На память мне приходят невзначай
все горести мои, и их не жальче

разбитых лбов, локтей или носов
и даже кровоточащих предсердий
в дни юности моей. И я готов
их повторить – чем дальше, тем усердней.

У нас со Смертью честная любовь.
Взаимная, глубокая... Она мне
твердит настойчиво: «Ты ложе мне готовь
для нашей встречи – на песке, на камне,

всегда, везде: зимою на шоссе,
в осеннем переулке, ночью стылой
весеннею... Как ведьма, на косе
я прилечу к тебе голубкой сизокрылой!»

Я жду. Но – ненасытная —
не торопи себя!
Ты можешь изменять мне с кем угодно.
Так некогда с похожей на тебя
себя повёл я так же благородно.

Прощай, мой друг. Нас ждёт тяжёлый труд.
Смерть как любовь. Поможет ли беспечность?
Вот если б знать – год, десять? Или вдруг?

Но нет часов у Смерти. Миг – что вечность.

2010

«Мне снится жизнь восьмой десяток лет...»

*«...Но ещё не один не сказал поэт,
что мудрости нет, и старости нет.
А может, и смерти нет».*

А. А. Ахматова

Мне снится жизнь восьмой десяток лет.
Или кому-то сам я снюсь все эти годы...
Я – тень? Или тень тени? Эхо, след,
каприз непознаваемой Природы?

Я – был? Я – есть? Я – буду? Я – они?
Ja, Ja!¹⁹ Ей-ей! ЕЁ! Yì qiān, yì hòu...²⁰
В слепых глазах взрываются огни
и вспышки фотографий бело-голых...

Кто проклял нас на миллиарды лет?
Или избрал? И нами КТО играет?

Как безысходно то, что *смерти нет!*
И уж конечно – никакого рая!

2013

---

¹⁹ Да, да! (нем.)

²⁰ И до, и после... (кит.)

«А мне и до сих пор порою снится...»

А мне и до сих пор порою снится,
как в отрочестве козликом в горах
я бегал за щеглами да синицами,
не помышляя о столичных журавлях.
И ничего достойнее, чем горы,
или степные жаркие просторы
я знать не знал. И только разговоры
я слышал о неведомых стихах.

Но вот забыты горы и синицы,
в степях уж не выслеживал я дроф.
Одну темноволосую Жар-птицу
с косой до пояса я, право, был готов
преследовать и днями, и ночами,
вымаливать с улыбкой и слезами
блаженный поцелуй! И – между нами —
мне было и тогда не до стихов!

Я в молодости бедствовал. Скитался.
Спасали верные подруги. Я искал
единомышленников. Наконец, дождался:
каких, Господь, друзей Ты мне послал!
А жизнь неслась! Преследовали страсти,
смешавшиеся с ненавистью к власти, —
тогда я чудом избежал напасти,
но и в те дни стихов я не писал.

И лишь когда мои друзья-поэты
по очереди стали отбывать
в свои стихи, поэмы и куплеты,
ко мне ночами стала прилетать —
О! Наконец-то! Муза! – Но не птичкой,
не ангелом, не девочкой с косичкой,
а жадной гурией – на вид вполне приличной.
С косой у пояса:

Погибель.

Бездна.

Блядь.

2013

Сторож

«Во мне живёт растительная мудрость...»

М. Ерёмин

Эй, Сторож ночной!
Крикни, скоро ли утро?!
Холоден камень печной,
сто раз прочитана сутра...

– Жди, придёт твоё утро...

Так что же с ночью, старик?
Что там с рассветом?
Когда я услышу твой крик —
на свете том, или этом?

– Жди, услышишь на этом...

Утро придёт, а ночь
сменит и день, и вечер,
и будет также точь в точь
целую вечность!

– Да, всех Вечностей Вечность!

Сторож! Ты мне отвечай!
Я буду все ночи спрашивать...
Все спят, а я буду чай
варить, лепёшки заквашивать...

– Спрашивай. Лучше спрашивать.

2009

«Живёт во мне Живое...»

Живёт во мне Живое.
Цветёт во мне цветок.
Нас двое или трое,
и я не одинок.

Поют мне песни курицы,
им вторят петухи.
Телята и настурции
читают мне стихи.

Лопух и одуванчик
в груди моей цветут.
Мой левый глаз тюльпанчик,
а правому капут.

И если я ухожен,
когда я сыт и пьян,
я становлюсь похожим
на Льва с избытком «ЯН».

Я тёплый, даже жаркий
вибрирующий кот,
и тигр в зоопарке
мне лапу подаёт.

И так мне всё знакомо,
и так мне все близки,
что никакая кома
не влезет мне в мозги!

2009

